

Кейтлин Р. Кирнан

УТӨПЛЕННИЦА

Это тонкое, темное, запутанное произведение, сквозь которое проглядывает странный, неотступный гений, не похоже ни на что из того, что я когда-либо читал раньше. «Утопленница» — ошеломляющее литературное произведение и, если быть откровенным, подлинный шедевр автора.

Питер Страуб

The logo for FANIZON, featuring the word "FANIZON" in a stylized, bold font with a vertical line through the letter "I".

FANIZON

A white diamond-shaped rating icon containing the text "18+" in black.

18+

Fanzon. Территория страха

Кейтлин Р. Кирнан

Утопленница

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кирнан К.

Утопленница / К. Кирнан — «Эксмо», 2012 — (Fanzon.
Территория страха)

ISBN 978-5-04-192964-0

Премия Брэма Стокера. Премия Джеймса Типтри-младшего. Финалист премий «Небьюла», «Локус», Всемирной премии фэнтези, Мифопоэтической премии, премии Ширли Джексон и Британской премии фэнтези. Сложный и захватывающий роман о попытках молодой художницы, страдающей шизофренией, отличить реальность от психоза... и о интригующей встрече с женщиной-призраком. Художница Индия Морган Фелпс, для друзей просто Имп, пытается поведать о своей жизни, но ей приходится бороться с ненадежностью собственного разума. Страдая шизофренией, которая сопровождается тревожностью и ОКР, Имп с большим трудом отделяет фантазию от реальности. Но для нее важно рассказать свою «правду». И она отправляется в плавание по потоку собственного сознания, вспоминая и о своей одержимости, и о таинственной женщине, с которой столкнулась на обочине дороги. Имп должна преодолеть свою душевную болезнь или работать с ней, чтобы собрать в единую картину свои воспоминания и рассказать историю. Через глубокое исследование психических заболеваний и творческого процесса «Утопленница» рассказывает жуткую и пронзительную историю о попытках девушки открыть правду, которая заперта в ее голове. «От пронзительной, прекрасной и сконструированной идеально, словно шкатулка с секретом, "Утопленницы" перехватывает дыхание». – Холли Блэк «Это шедевр. Он заслуживает того, чтобы его читали, вне зависимости от жанровой принадлежности, еще очень-очень долго». – Элизабет Бир «Превосходно написанный, поразительно оригинальный роман, в котором находят отражение отсылки к классике таких авторов, как Ширли Джексон, Г. Ф. Лавкрафт и Питер Страуб, выводит Кейтлин Р. Кирнан в первые ряды мастеров современной мрачной фантастики. Это будоражащая и незабываемая история с рассказчиком, чей голос будет звучать в вашей голове еще долго после полуночи». – Элизабет Хэнд «С этим романом Кейтлин

Р. Кирнан прочно входит в новый, пока только формирующийся авангард наиболее искусных авторов готики и фантастики, способных создавать прозу с глубокой моральной и художественной серьезностью. Это тонкое, темное, запутанное произведение, сквозь которое проглядывает странный, неотступный гений, не похоже ни на что из того, что я когда-либо читал раньше. "Утопленница" – ошеломляющее литературное произведение и, если быть откровенным, подлинный шедевр автора». – Питер Страуб «Кейтлин Р. Кирнан выворачивает историю о призраках наизнанку и трансформирует ее. Это история о том, как рассказываются истории, о том, что они раскрывают и о чем умалчивают, но от этого она не становится менее напряженной и захватывающей. Это роман о реальных и воображаемых кошмарах, который быстро затягивает вас на самую глубину и потом очень медленно позволяет всплыть за глотком воздуха». – Брайан Эвенсон «Роман, сочетающий в себе все элементы прозы Кейтлин Р. Кирнан, ожидаемые ее читателем: удивительная яркость стиля, атмосфера томной меланхолии и необъяснимая смесь мучительной красоты и сковывающего ужаса. Это история о привидениях, но также и книга о том, как пишутся истории о привидениях. Рассуждение о природе влюбленности, разочаровании в любви и размышления о том, является ли безумие подарком или проклятием. Один из тех очень немногих романов, читая которые хочется, чтобы они никогда не заканчивались». – С. Т. Джоши «Кирнан закрепляет на своем верстаке традиционные мемуары и полностью меняет их форму, превращая во что-то совершенно иное, хотя и до боли знакомое – более чуждое, более сложное, более красивое и более правдивое». – Кэтрин М. Валенте «Я восхищаюсь автором и ее способностью сплести из предложений элегантную паутину текста. К концу этого романа вы уже не будете уверены, где проходят границы между сном и реальностью, призрачным и телесным, безумием и здравомыслием». – Бенджамин Пирси «Кирнан – картограф затерянных миров. Она пишет о порогах, тех суровых пространствах между двумя реальностями, которые переживает сама и которые приходится пересекать, если не преодолевать». – The New York Times «Открой Ширли Джексон для себя постмодернизм, результат мог бы немного походить на роман Кейтлин Р. Кирнан. Насыщенный, многослойный, зловещий, смешной и пугающий одновременно, роман переносит читателей в пучину галлюцинаций, полных желаний и тайн, излагаемых голосом некой Индии Морган Фелпс, одного из самых неотразимых и ненадежных рассказчиков, с которыми я когда-либо сталкивался. Тех, кто откроет эту книгу, ждет дикое и странное путешествие». – Дэн Хаон

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-192964-0

© Кирнан К., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

1	9
2	25
3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кейтлин Р. Кирнан

Утопленница

*Посвящается Питеру Страубу, мастеру историй с привидениями.
И, конечно же, Им.*

*Памяти Элизабет Тиллман Олдридж
(1970–1995)*

*Может оказаться так,
что это совсем не та книга,
которую вы ожидали прочитать.*

К. Р. К.

*Без усталости поёт сирена,
Зовущая тебя на скалы.*

«There There», Radiohead¹

*В лесной чащобе монстр скрывается,
Во тьме беснуется и воет.
Дела свершив кровавые, он прячется,
Поёт, рычит и стонет.*

«Who Will Love Me Now?», Philip Ridley²

*Историям свойственно менять своё обличье.
«Милые чудовища», Келли Линк*

Caitlin R. Kiernan

THE DROWNING GIRL

Copyright © Caitlin R. Kiernan, 2012

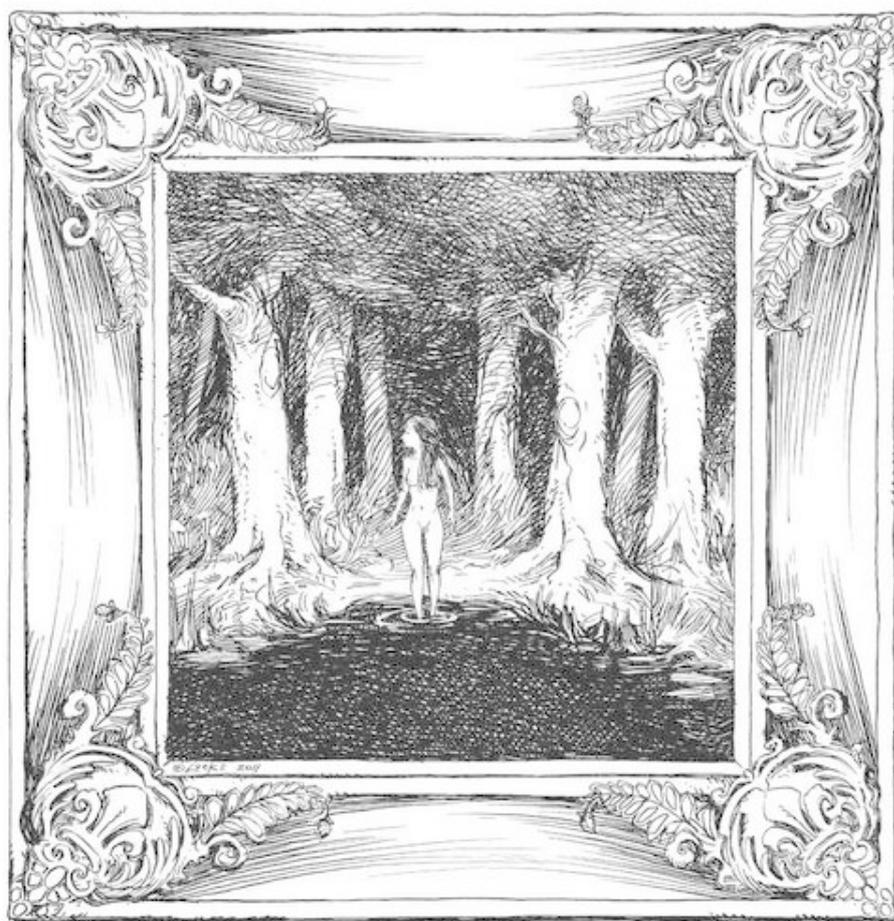
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

© А. Баннов, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Philip George Saltzstein
American, 1868-1907
The Drowning Girl
1898
Oil on canvas

1

– Я собираюсь написать историю с привидениями, – напечатала она. – Историю с привидениями, русалкой и волком, – добавила она следом.

На самом деле речь идёт обо мне.

Меня зовут Индия Морган Фелпс, хотя почти все мои знакомые называют меня просто Имп. Я живу в Провиденсе, штат Род-Айленд, и мне было семнадцать, когда моя мать умерла в больнице Батлера, расположенной на бульваре Блэкстоун, д. 345, рядом с кладбищем Суон-Пойнт, где похоронено множество знаменитостей. Раньше полное название больницы звучало как «Больница Батлера для душевнобольных», но однажды уточнение «для душевнобольных» куда-то пропало. Возможно, из-за того, что это плохо сказывалось на бизнесе. Вероятно, врачи, попечители, члены совета директоров – да кто угодно, кому по должности полагаются принимать подобные решения, – посчитали, что люди будут не в восторге от перспективы попасть в психиатрическую лечебницу, которая открыто заявляет, что это именно психиатрическая лечебница. Мол, это плохая реклама. Точные причины мне неизвестны, но моя мать, Розмари-Энн, была определена в больницу Батлера, потому что её посчитали сумасшедшей. Дожив до пятидесяти шести лет, она умерла в её стенах, а не в каком-то ином, более приятном, месте, потому что была безумной. Нельзя сказать, что она не осознавала своего недуга, и я тоже прекрасно это понимала, но если кто-то спросит моё мнение, то убирать уточнение «для душевнобольных» – это всё равно что попытаться изъять слово «бургер» из «Бургер Кинг», мотивируя это тем, что гамбургеры не столь полезны, как салаты. Или отказаться от «пончиков» в названии «Пончики Данкина», потому что от них набирается лишний вес и появляется кариес. Моя бабушка со стороны матери, Кэролайн, родившаяся в 1914 году и потерявшая мужа во время Второй мировой войны, тоже была сумасшедшей, но умерла в собственной постели в своём доме, что в Уэйкфилде. Никто не пытался упечь её в психушку, но и не делал вид, что она здорова. Возможно, в старости, либо когда ты только вступаешь на путь дряхления, это не так бросается в глаза. Кэролайн задохнулась во сне от угарного газа, а в предсмертной записке поблагодарила мою маму с тётушками за то, что те не отправили её в больницу для душевнобольных, где ей пришлось бы оставаться даже после того, как жизнь стала бы для неё совсем невыносимой. Я имею в виду жизнь. Или безумие. Либо то, либо другое – а может, и всё вместе.

Есть какая-то особенная ирония в том, что это мои тётушки отправили маму в психушку. Я полагаю, мой отец поступил бы точно так же, но он бросил нас, когда мне было десять, и никто не знает, куда он исчез. Он оставил мою мать, поскольку она была сумасшедшей, и мне нравится думать, что ему недолго пришлось радоваться жизни после своего бегства. Когда я была девочкой, то обычно долго лежала в своей постели по ночам, придумывая разные ужасные способы, которыми мой отец мог бы закончить свою жизнь, и всевозможные кары за то, что он бросил нас и сбежал, оказавшись слишком трусливым, чтобы остаться рядом со мной и мамой. В какой-то момент я даже составила список разнообразных смертей самого неприятного характера, которые могли бы выпасть на долю отца. Я вела его в стенографическом блокноте, а сам блокнот прятала в старом чемодане под кроватью, потому что не хотела, чтобы мама его увидела. Первым в списке шёл пункт «Я надеюсь, что мой отец умер от венерической болезни после того, как его член сгнил», а дальше следовало множество довольно банальных вещей – автомобильная авария, пищевое отравление, рак и прочие прелести. Но со временем моё воображение стало более изощрённым, и последняя запись, которую я внесла в список (под номером 316), гласила: «Надеюсь, мой отец сошёл с ума и умер, страдая от одиночества и страха». Я всё ещё храню этот блокнот, но теперь он спокойно стоит на полке, а не лежит, спрятанный, в недрах старого чемодана.

Ну так вот. Моя мать, Розмари-Энн, умерла в больнице Батлера. Она умудрилась покончить жизнь самоубийством, хотя находилась в то время под строгим присмотром из-за опасений, что именно это занимает её мысли. Она лежала в постели, пристёгнутая ремнями, под наблюдением видеокамеры. Но ей всё же удалось это сделать. Она смогла подавиться и задохнуться до того, как кто-либо из медсестёр или санитаров заметил, что происходит. В свидетельстве о смерти записано, что она умерла во время припадка, но я-то знаю, что это не так. Слишком много раз, когда я навещала её, мама утверждала, что хочет умереть, и обычно я пыталась убедить её, что она должна жить, поправляться и вернуться домой; в то же самое время я обещала, что не буду злиться, если ей действительно придётся это сделать – отправиться на тот свет. Если наступит тот самый день или ночь, когда её терпение иссякнет. Мама тогда сказала, что ей очень жаль, но она рада встретиться с моей стороны понимание и благодарна мне за это. Я приносила ей конфеты, сигареты и книги, и мы разговаривали об Энн Секстон³, Диане Арбус⁴ и о Вирджинии Вулф, которая набила карманы одежды камнями и утопилась в реке Уз. Я никогда не рассказывала врачам Розмари об этих разговорах. Точно так же я не рассказала им о том, что за месяц до того, как мама подавилась языком, когда она передала мне письмо с цитатой из предсмертной записки Вирджинии Вулф: «Я хочу сказать, что за всё счастье в моей жизни я обязана тебе. Ты был безмерно терпелив со мной и невероятно добр. Все это знают. Если кто-нибудь и мог бы спасти меня, это мог быть только ты»⁵. Я пришила его к стене в той комнате, где занимаюсь рисованием, – полагаю, что это можно назвать студией, хотя обычно я думаю о ней просто как о комнате для рисования.

Я осознала, что тоже ненормальна и, вероятно, была такой всегда, лишь через пару лет после смерти Розмари. Это миф, будто сумасшедшие люди не понимают, что они сумасшедшие. Многие из нас, вне всяких сомнений, способны к прозрению и самоанализу не меньше здоровых людей, а может быть, и больше. Я подозреваю, что мы тратим на самокопание гораздо больше времени, чем здравомыслящие люди. Тем не менее мне просто не приходило в голову, что моё привычное видение мира означает, что я унаследовала «Проклятие семьи Фелпс» (как любит говорить моя тётя Элейн, имеющая склонность к использованию мелодраматических оборотов). В любом случае, когда меня посетили мысли о собственном безумии, я пошла к терапевту в больницу Род-Айленда. Я отвалила ей кучу денег, мы побеседовали (в основном говорила я, а она слушала), и в больнице мне сделали несколько анализов. В конце концов психиатр объяснила мне, что я страдаю дезорганизованной шизофренией, которую также называют «гебефрения» в честь Гебе, греческой богини молодости. Но она – психиатр – не сказала мне ещё кое-чего; это мне пришлось выяснять самой. Гебефрения названа в честь греческой богини молодости, потому что проявляется в период полового созревания. Я не стала обращать её внимание на то, что если мой образ мыслей и мировоззрение означают наличие шизофрении, то безумие началось задолго до полового созревания. Как бы то ни было, позднее, после дополнительных тестов, диагноз был изменён на параноидальную шизофрению, которая не отсылает своим названием ни к одному из греческих или любых других известных мне богов.

Психиатр, женщина из Бостона по имени Магдалина Огилви – это имя всегда навевало мне воспоминания об Эдварде Гори⁶ или романах П. Г. Вудхауза, – нашла легенду о семейном проклятии Фелпсов очень интересной, поскольку, по её словам, есть основания предполагать, что шизофрения может передаваться по наследству, по крайней мере в отдельных случаях.

³ Энн Секстон (1928–1974) – американская поэтесса и писательница, лауреат Пулитцеровской премии 1967 года. (Прим. пер.)

⁴ Диана Арбус (1923–1971) – американский фотограф, представительница нью-йоркской школы, совмещала иррациональные принципы изображения и рациональное представление о действительности. (Прим. пер.)

⁵ Цитируется текст из предсмертной записки Вирджинии Вулф, в которой она обращается к своему мужу. (Прим. пер.)

⁶ Эдвард Гори (1925–2000) – американский писатель и художник, известный своими книжными иллюстрациями в макаб-рическом стиле.

Итак, поехали. Я безумна, потому что Розмари была сумасшедшей и у неё родился ребёнок, а Розмари, в свою очередь, сошла с ума, поскольку моя бабушка тоже оказалась не в своём уме и тоже родила ребёнка (точнее, несколько, но только Розмари повезло заполучить родовое проклятие). Я поведала доктору Огилви истории, которые моя бабушка рассказывала о сестре своей матери, которую также звали Кэролайн. По словам бабушки, Кэролайн держала мёртвых птиц и мышей в закрытых стеклянных банках, выстроившихся в рядочек на всех подоконниках её дома. Каждый сосуд она пометила этикеткой с отрывком из Библии. Я сказала психиатру, что тётушку Кэролайн, как мне кажется, можно было бы заподозрить разве что в сильном интересе к естественным наукам, если бы не эти цитаты из Библии. С другой стороны, я предположила, что она, вероятно, пыталась выявить определённые взаимосвязи, соотнося различные виды птиц и животных со Священным Писанием, но доктор Огилви возразила, что здесь налицо случай самой настоящей шизофрении. Я не стала спорить. Мне вообще крайне редко хочется вступать с кем-то в споры.

Итак, у меня теперь есть множество янтарных бутылочек с таблетками – самая надёжная фармакопея антипсихотических и седативных средств, которые и вполнину не так интересны, как флакончики с мышами и воробьями моей двоюродной бабушки. Я принимаю «Риспердал», «Депакин» и «Валиум»⁷, и всё ещё не загремела в больницу Батлера, хотя уже пыталась покончить жизнь самоубийством. Правда, всего лишь раз. Или два. Возможно, за это стоит поблагодарить лекарства или мои картины, а может быть – мою девушку, которая мирится со всем этим дерьмом, следит, чтобы я вовремя принимала таблетки, и всегда находится рядом. Мне кажется, если бы моя мама время от времени с кем-нибудь спала, то, глядишь, прожила бы подольше. Насколько мне известно, никто и никогда не предлагал секс-терапию для лечения шизофрении. Но, по крайней мере, секс не приводит к запорам, не заставляет дрожать руки (спасибо вам, мистер «Риспердал»!) и не вызывает ожирения, усталости и прыщей (сердечно вас благодарю, мистер «Депакин»!). Я воспринимаю свои таблетки как мужчин, о чем ещё ни разу не говорила своему психиатру. Меня терзают смутные подозрения, что она может сделать из этого весьма неприятные для меня выводы, тем более что ей уже известно о списке «Как должен умереть мой папочка».

Безумие моей семьи выстраивается в ряд, словно товарные вагоны: бабушка, дочь, дочь дочери и, если копнуть глубже, двоюродная бабушка. Возможно, корни проклятия уходят ещё дальше, но я не особо разбираюсь в генеалогии. Какие бы секреты мои прабабушки и прапрабабушки ни хранили – они унесли их с собой в могилу, поэтому я оставляю их в покое. Мне уже очень жаль, что я не поступила подобным образом с Розмари-Энн и Кэролайн. Но они представляют собой слишком внушительную часть моей истории, и я должна упомянуть о них, чтобы иметь возможность её поведать. Вероятно, можно было бы придумать ложные образы, вымышленные версии их личностей, чтобы заменить ими реальных женщин, но я достаточно хорошо знала их обеих, чтобы понимать – им бы это не понравилось. Я не могу рассказать историю своей жизни или какую-то её часть, – что и пытаюсь сейчас сделать, – не вспомнив о них. В моей жизни было так много совпадений, тех или иных случайностей, причиной которых, намеренно или непреднамеренно, выступали эти две женщины, что братья за свой рассказ, прибегая ко лжи, не имеет ни малейшего смысла.

Это вовсе не означает, что каждое моё слово будет соответствовать фактам. Только то, что эти слова будут правдивыми. По крайней мере, насколько это будет в моих силах.

Вот что я написала в одной кофейне несколько дней назад, исписав с двух сторон салфетку: «Ни одна история не имеет начала, и ни одна история не имеет конца. Начало и конец могут быть задуманы для достижения какой-то цели, чтобы служить сиюминутным и прехо-

---

⁷ «Риспердал», «Депакин», «Валиум» – седативные препараты антипсихотического применения, используются при лечении эпилепсии, биполярного расстройства, мигрени и т. д.

дящим намерениям, но они, по своей фундаментальной природе, произвольны и существуют исключительно как некая удобная конструкция в сознании человека. Человеческая жизнь – запутанная штука, и когда мы пытаемся увязать её (или какую-то её часть) с жизнями других людей, невозможно точно и объективно указать момент, когда началось какое-то событие. Всё и всегда начинается совершенно случайно».

Прежде чем написать эти строки, решив, что они меня устраивают, я частенько заходила в эту комнату (не в ту, где рисую, а в другую, где слишком много книжных полок) и садилась перед пишущей машинкой, которая раньше принадлежала бабушке Кэролайн. Стены здесь такого бледного синеватого оттенка, что иногда при ярком солнечном свете кажутся почти белыми. Я сидела здесь и сверлила взглядом бело-голубые стены или смотрела через окно на старые здания, аккуратно выстроившиеся вдоль Уиллоу-стрит: викторианские дома, осенние деревья, серые тротуары и изредка проезжающий мимо автомобиль. Сейчас я вновь сижу здесь и пытаюсь выбрать событие, с которого можно начать свой рассказ. Будь моя воля, я бы с радостью нежилась в этом кресле часами, не написав ни единого слова. Но теперь я напечатала первую пару предложений, повинуюсь некоему порыву, и это начало кажется мне ничуть не хуже любого другого. Мне показалось справедливым сразу рассказать о своём сумасшествии, чтобы снять с себя ответственность, поэтому, если кто-то когда-нибудь прочитает эти строки, он поймёт, что к ним нужно относиться с изрядной долей недоверия.

А теперь, вновь повинуюсь неведомому импульсу, я напишу о том, как впервые увидела «Утопленницу».

В мой одиннадцатый день рождения мама отвела меня в музей Школы дизайна Род-Айленда. Я сказала ей, что хочу стать художником, поэтому в тот год в качестве подарка она купила мне набор акриловых красок, кистей, деревянную палитру и пару холстов, а затем отвела меня в музей ШДРА. И, как я уже сказала, в тот день я впервые увидела эту картину. Сейчас «Утопленница» висит гораздо ближе ко входу с Бенефит-стрит, чем в годы моего детства. Полотно красуется в резной позолоченной раме – такой же, как и остальные картины в этой части музея, небольшой галерее, посвящённой американским художникам девятнадцатого века. Размеры «Утопленницы» составляют примерно девятнадцать на двадцать четыре дюйма⁸. Она висит между «Арктическим закатом» Уильяма Брэдфорда (1874 г.) и «На берегу Ли» Уинслоу Гомера (1900 г.). Стены галереи выкрашены в однородно-зелёный цвет, что, как мне кажется, делает блеск старинных золотых рам более тусклым, чем на самом деле.

«Утопленница» была написана в 1898 году бостонским художником по имени Филипп Джордж Салтоншталь. О Салтоншталье мало что известно. Его склонны относить к символистам, хотя в одной из статей он назван покойным американским последователем Братства пре-рафаэлитов. Он редко продавал свои картины и нечасто выставлялся, а в последний год своей жизни однажды ночью предал огню полсотни своих полотен. Большинство из немногих оставшихся его работ разбросано по Новой Англии, находясь в частных коллекциях и художественных музеях. Кроме того, одна из них висит в окружном Художественном музее Лос-Анджелеса, а другая – в Высоком музее Атланты. Салтоншталь страдал от судорог, бессонницы и хронической депрессии и умер в 1907 году в возрасте тридцати девяти лет, упав с лошади. Никто из тех критиков, чьи работы на эту тему мне довелось прочитать, не могут с уверенностью утверждать, что это падение было случайным, но, скорее всего, именно так всё и произошло. Я могла бы сказать, что он покончил жизнь самоубийством, но мне, как вы понимаете, в этом вопросе доверять нельзя, поэтому пусть это останется всего лишь предположением.

Что касается самой картины, то «Утопленница» написана в основном в мрачных оттенках зелёного и серого (поэтому кажется, что среди этих каменных стен она чувствует себя как

---

⁸ 48 на 61 см.

дома), но с несколькими яркими контрапунктами: россыпь приглушённых жёлтых пятен, грязновато-белые проблески и ряд мест, где зелень и серый цвет сгущаются до полной черноты.

На ней изображена полностью обнажённая девушка, возможно, лет двадцати или даже моложе. Она стоит по щиколотку в лесном пруду, поверхность которого гладкая, словно стекло. Позади неё вздымаются ряды деревьев; её голова повернута немного в сторону от зрителя, она напряжённо всматривается через правое плечо в сторону лесной чащи, на странные тени, клубящиеся между стволами деревьев. Её длинные волосы почти того же зеленоватого оттенка, что и вода, а кожа так заколерована, что кажется парадоксально жёлтой, сочась изнутри каким-то внутренним светом. Она стоит очень близко к берегу, поверхность пруда у её ног покрыта рябью, и это, как я понимаю, означает, что она только что ступила в его воды.

Я напечатала «пруд», но, как выяснилось, картина была вдохновлена посещением Салтонштаалем реки Блэкстоун на юге Массачусетса в конце лета 1894 года. В соседнем Аксбридже у него жила семья, в том числе двоюродная сестра по отцовской линии Мэри Фарнум, в которую он, кажется, был влюблён (впрочем, нет никаких доказательств того, что эти чувства были взаимными). Высказывались предположения, что девушка на картине – это Мэри, но даже если это так, художник никак это не комментировал, а если кому-то и проговорился, то никаких записей в нашем распоряжении не осталось. Впрочем, однажды он сказал, что эта картина стала венцом серии пейзажных этюдов, которые он сделал на плотине Роллинг-Дэм (построенной в 1886 году). Выше плотины река образует водохранилище, которое когда-то приводило в движение мельницы производственной компании «Блэкстоун». Вода там спокойная и глубокая, что резко контрастирует с порогами ниже плотины, несущими свои воды между крутыми гранитными стенами ущелья Блэкстоун, которые в некоторых местах достигают свыше восьмидесяти футов в высоту.

Название картины частенько казалось мне странным. В конце концов, девушка ведь не тонет, а просто заходит в воду. Тем не менее Салтонштааль смог передать в своей работе неоспоримое ощущение угрозы или страха. Возможно, что причиной тому ряды тёмных деревьев, вырисовывающиеся позади девушки, или предположение, что нечто странное привлекло её внимание к лесной чащобе. Может быть, хруст ветки или еле слышные шаги в опавших листьях. Или чей-то голос. Да всё что угодно на самом деле.

Я всё больше и больше понимаю, что история Салтонштаалля и «Утопленницы» является неотъемлемой частью истории моей жизни – так же как мне не обойтись без Розмари-Энн и Кэролайн, – даже если бы я не стала утверждать, что именно здесь кроется причина тех событий, что произошли впоследствии. Это сложно объяснить логически. Если бы я отказалась от этого утверждения, неизбежно возник бы следующий вопрос: что первично – то, что я впервые увидела картину в день моего одиннадцатилетия, или момент создания её Салтонштаалем в 1898 году? Или лучше вообще начать со строительства дамбы в 1886 году? Инстинктивно я всё время пытаюсь подыскать какое-нибудь иное начало, хотя понимаю, что зря. Я прекрасно осознаю, что это приведёт меня лишь к бесполезному и, по сути, бесконечному возвращению к начальной точке отсчёта.

В тот августовский день, много лет назад, «Утопленница» висела в другой галерее, в зале, посвящённом местным художникам и скульпторам – в основном, хотя и с некоторыми исключениями, художникам из Род-Айленда. У моей мамы заболели ноги, и мы присели отдохнуть на скамейке в центре зала, когда я заметила эту картину. Я помню этот момент очень отчётливо, хотя большая часть того дня уже стёрлась из моей памяти. Пока Розмари сидела на скамейке, давая отдых своим ноющим ногам, я стояла и разглядывала холст Салтонштаалля. Но тогда мне казалось, что я вижу не просто холст, а некое маленькое окошко, выходящее на какой-то необычный мир в слегка размытой серо-зелёной цветовой гамме. Я уверена, что это был первый раз, когда какая-то картина (как и любое другое двухмерное изображение) настолько поразила меня. Иллюзия глубины была столь сильной, что я подняла правую руку и прикоснулась

пальцами к холсту. Думаю, я искренне ожидала, что они пройдут её насквозь, проникнув на ту сторону, где царили серо-зелёные лесные сумерки. Но тут Розмари, заметив моё движение, крикнула мне остановиться, поскольку это противоречит правилам музея, и я отдернула руку.

– Почему? – насупилась я, и она объяснила, что на руках человека есть едкие масла и кислоты, которые могут навредить старым картинам. Затем она рассказала, что всякий раз, когда людям, работавшим в музее, приходится к ним прикасаться, они надевают белые хлопчатобумажные перчатки, чтобы не повредить поверхность холстов. Я посмотрела на свои пальцы, гадая, что ещё можно повредить простым прикосновением, и не нанесли ли кислоты и масла, просачивающиеся сквозь мою кожу, какого-либо вреда разным вещам, которые мне довелось потрогать.

– В любом случае, Имп, зачем ты к ней прикасалась?

Я рассказала ей, что картина выглядела словно окно, она засмеялась и захотела узнать название картины, имя художника и год, когда та была написана. Всё это оказалось напечатано на карточке, прикреплённой к стене рядом с рамой, откуда я их ей и зачитала. Она записала услышанное на конверте, который достала из своей сумки. Розмари всегда носила с собой огромные, бесформенные тканевые сумки, которые шила сама; в них можно было найти всё что угодно: книги в мягкой обложке, косметику, счета за коммунальные услуги и квитанции из продуктовых магазинов (которые она никогда не выбрасывала). Когда она умерла, я сохранила пару сумок и до сих пор ими пользуюсь, хотя не думаю, что среди них есть та, с которой она ходила в тот день. Та сумка была сшита из денима, а я никогда особо не любила деним. Я даже джинсы не ношу.

– Зачем ты это записываешь?

– Возможно, когда-нибудь ты захочешь это вспомнить, – ответила она. – Когда что-то производит на нас сильное впечатление, мы должны постараться об этом не забыть. Так что, поверь мне, делать заметки – это хорошая идея.

– Но как мне узнать, что я хочу запомнить, а что, наоборот, лучше никогда не вспоминать?

– А вот это самое сложное, – улыбнулась мне Розмари, быстро прикусив ноготь большого пальца. – Это сложнее всего, да. Ведь очевидно, что мы не можем тратить всё своё время, постоянно делая заметки о происходящих с нами событиях, верно?

– Конечно, нет, – ответила я и отступила от картины, по-прежнему не сводя с неё глаз. Даже перестав выглядеть как некое странное окно, она оставалась не менее удивительной и красивой. – Наверное, это было бы глупо.

– Это было бы очень глупо, Имп. Мы бы тратили кучу времени, пытаясь не забыть ничего важного, и с нами в итоге не случилось бы ничего действительно примечательного.

– Значит, нужно быть очень внимательной, – заключила я.

– Совершенно верно, – кивнула она.

Больше я ничего не помню о том дне рождения. Только мои подарки, поход в музей ШДРА и слова Розмари о том, что я должна записывать всё, что окажется важным для меня в будущем. После музея мы вроде бы пошли домой. Дома меня явно ожидал торт с мороженым, поскольку так было всегда, вплоть до того года, когда она покончила жизнь самоубийством. А вот вечеринки по этому поводу не было, потому что мы никогда их не устраивали на мои дни рождения. Да мне и самой никогда этого не хотелось. Мы ушли из музея, день пролетел, наступила полночь, и мой следующий день рождения наступил, когда мне исполнилось двенадцать. Вчера я заглянула в интернет-календарь, и он сообщил мне, что завтрашний день, третье августа, это воскресенье, хотя для меня это ничего особенного не значит. Мы никогда не ходили в церковь, поскольку моя мама отреклась от Римской католической церкви и всегда говорила, что я должна держаться подальше от католицизма, хотя бы потому, что тогда мне не придётся проходить через те же трудности с отречением.

– Мы не верим в Бога? – спросила я её как-то раз.

– Я не верю в Бога, Имп. Во что будешь верить ты – зависит только от тебя. Ты должна сама это понять и со всем разобраться. Я не могу сделать это за тебя.

Если, конечно, эта беседа действительно имела место. Вроде бы да, наверное... но немалая часть моих воспоминаний – ложные, поэтому я не могу быть полностью в этом уверена. Многие из моих самых интересных воспоминаний, кажется, никогда не происходили в действительности. Я начала вести дневники после того, как Розмари заперли в Батлере, после чего мне до восемнадцати лет пришлось жить с тётёй Элейн в Крэнстоне, но даже дневникам нельзя доверять. Например, там есть серия записей, описывающих поездку в Нью-Брансуик, а я твёрдо уверена, что не принимала в ней никакого участия. Раньше меня пугали воспоминания о событиях, которые никогда не происходили в реальности, но потом я к этому привыкла. К тому же сейчас такое случается не столь часто, как когда-то.

– *Я собираюсь написать историю с привидениями, – напечатала она.*

Именно над этим я сейчас и работаю. Я уже рассказала вам о призраках моей бабушки, моей матери и сестры моей прабабушки – той, которая держала мёртвых животных в колбах, помеченных цитатами из Священного Писания. Все эти женщины теперь всего лишь призраки и преследуют меня, так же как и другие призраки, о которых я только собираюсь написать. Так же, как меня преследует призрак больницы Батлера, расположенной рядом с кладбищем Суон-Пойнт. Так же, как меня преследует исчезнувший отец. Но больше всего меня преследует «Утопленница» Филиппа Джорджа Салтоншталля, которую я бы обязательно запомнила навсегда, даже если бы у моей мамы не нашлось в тот день времени, чтобы сделать пометки на конверте.

Призраки – это такие воспоминания, которые слишком сильны, чтобы их можно было раз и навсегда забыть, они отзываются эхом сквозь годы, отказываясь быть стёртыми неумолимой дланью времени. Не могу себе представить, чтобы Салтоншталль, когда писал свою «Утопленницу» – почти за сто лет до того, как я впервые её увидела, – вдруг опустил кисть, задумавшись обо всех тех несчастных, кого она будет в дальнейшем преследовать. Это ещё одна очень важная вещь в общении с призраками – вы должны быть осторожны, потому что привидения невероятно прилипчивы. Призраки – это своеобразные мемы, особенно вредоносные ментальные инфекции, социальные болезни, которые не нуждаются в вирусном или бактериальном носителе и передаются тысячами различных способов. Книга, стихотворение, песня, сказка на ночь, самоубийство вашей бабушки, танцевальные па, пара кинокадров, диагноз «шизофрения», смертельное падение с лошади, выцветшая фотография или история, которую вы рассказываете своей дочери.

Или картина, висящая на стене музея.

Я почти уверена, что Салтоншталль на самом деле пытался изгнать собственных призраков, когда нарисовал стоящую в пруду обнажённую женщину с маячащим за её спиной тёмным лесом. Слишком часто люди совершают подобную ошибку, пытаясь использовать искусство, чтобы изловить докучающего им призрака, добиваясь лишь того, что он получает возможность досаждать бесчисленному множеству других людей. Итак, Салтоншталль отправился к реке Блэкстоун и увидел там нечто странное, став участником каких-то событий, – и это воспоминание преследовало его до самой смерти. Позднее он попытался избавиться от него единственным известным ему способом, то есть решив перенести его на холст. Распространение этой вредоносной идеи не было злонамеренным действием. Это был акт отчаяния. Иногда преследуемые люди достигают той точки, когда им либо удаётся отогнать призраков прочь, либо эти призраки их уничтожают. Плохо то, что, когда вы пытаетесь вытащить своих призраков на свет божий и где-то их запечатать, чтобы они не могли причинить вам вреда, – обычно ничего не получается. Вы можете создать копию докучающего вам фантома или перенести в произведе-

ние искусства некую бесконечно малую толику этого создания, но основная часть его сущности так глубоко коренится в вашем сознании, что никуда оттуда не денется.

Розмари никогда не пыталась научить меня вере в бога или в греховность, в рай или ад, и мой собственный опыт ни разу не приводил меня к осознанию этих материй. Не думаю, что я вообще верю в существование души. Впрочем, это не важно. Зато я верю в призраков. Верю, верю, верю в призраков, как говорил в фильме Трусливый Лев⁹. Конечно, я чокнутая особа, и мне нужно принимать таблетки, которые мне не по карману, чтобы не загреметь в психушку, но я всё ещё вижу призраков везде, куда ни упадёт мой взгляд. Потому что, стоит вам только однажды их увидеть, и после этого вы уже никогда от них не избавитесь. Но хуже всего то, что если вы случайно или осознанно получаете способность их видеть, то совершаете тот самый гештальт-сдвиг, который позволяет вам лицезреть их такими, какие они есть, а они, в свою очередь, приобретают возможность видеть вас. Например, бывает, смотришь на картину, висящую на стене, и она вдруг становится похожа на окно. На окно, через которое одиннадцатилетняя девочка пытается дотянуться до пейзажа, открывающегося с другой стороны. Но, к сожалению, в окнах есть одна особенность: большинство из них работают в обе стороны – да, из них можно выглянуть наружу, но также сквозь них внутрь может заглянуть всё то, что произошло когда-то в прошлом.

Впрочем, я забегая вперёд. Это означает, что мне нужно остановиться и вернуться немного назад, отложив в сторону размышления о вредоносных мемах, привидениях и загадочных окнах, по крайней мере на время. Мне надо вернуться в ту июльскую ночь, когда я проезжала вдоль реки Блэкстоун неподалёку от того места, которое вдохновило Салтоншталля на создание «Утопленницы». Той самой ночью я повстречала русалку по имени Ева Кэннинг. Кроме того, нельзя забыть ещё об одной снежной ноябрьской ночи в Коннектикуте, когда я ехала через лес по узкой щебёнчато-битумной дороге и наткнулась на девушку, которая на самом деле была волчицей – и призраком, как Ева Кэннинг, – вдохновив другого художника, ныне покойного, по имени Альбер Перро, запечатлеть её образ на холсте.

То, что я писала выше про свою возлюбленную, которая мирится со всем моим странным дерьмом... это ложь, поскольку она оставила меня вскоре после того, как в моей жизни появилась Ева Кэннинг. Потому что в конечном итоге это «странное дерьмо» стало чересчур странным. Я не виню её за то, что она ушла, хотя временами скучаю по ней, мечтая, чтобы она оставалась со мной рядом. Как бы то ни было, дело в том, что это был самообман – попытка притвориться, будто она всё ещё со мной. Как я уже говорила, нет никакого смысла рассказывать свою историю, если для этого приходится лгать.

Так что я должна внимательно за этим следить.

И тщательно подбирать слова.

По сути, я очень быстро (и неожиданно) пришла к пониманию того, что пытаюсь рассказывать свою историю на языке, который мне приходится изобретать по ходу дела. Если я буду слишком ленива, положившись на то, что кто-то другой расскажет мою историю – некий совершенно посторонний человек, – это будет выглядеть нелепо. Я буду дрожать от ужаса или сгорать от смущения, слушая этот рассказ в чужой интерпретации. Либо ужас со смущением настолько меня одолеют, что я сама брошу в итоге эту затею. Тогда я спрячу рукопись с рассказом в чемодане под кроватью, так и не добравшись до места, которое станет концом истории. Нет, скорее не концом, а всего лишь последней страницей, поставив на которой точку, я перестану делиться событиями своей жизни.

Нужно быть очень внимательной, как меня просила Розмари. Я должна остановиться и сделать небольшой шаг назад.

---

⁹ «Верю, верю, верю в призраков!» – фраза Трусливого Льва из фильма студии MGM «Волшебник страны Оз», 1939 г.

В тот день, когда я встретила Абалин, дождя не было, хотя небо затянуло покрывалом обманчивых фиолетовых облаков, которые обычно клубятся и проносятся мимо, заставляя вас предположить, что может пойти ливень. Было ветрено, и в воздухе определённо ощущался запах дождя. Поэтому в тот день, два года и четыре месяца назад, я вырядилась в галоши и плащ, не забыв прихватить зонтик. Закончив с работой, я возвращалась домой с автобусной остановки. Стоял один из последних прохладных июньских дней, погода ещё не успела стать жаркой, а воздух липким. Под низко нависающим сводом облаков воздух казался сладким, а кроны деревьев выглядели такими зелёными, что казались искусственными. Заметьте, не чрезмерно яркими, а словно бы достигшими той степени зелёного цвета, насыщенного и пышного, какой не может существовать в природе. А если и может, то человеческий глаз, вероятно, не в состоянии его воспринимать. Я вышла из автобуса на Вестминстере и пошла по Парадной улице, с обеих сторон засаженной высокими зелёными каштанами и дубами, что-то нашёптывающими друг другу в вышине. Слева от меня раскинулось открытое пространство Тренировочного комплекса Декстера, который теперь превратился в обычный парк, несмотря на сохранившееся старое название. Впереди, с южного края тренировочного поля, на Крэнстон-стрит возвышалась Оружейная палата, похожая на сказочный замок, с её высокими зубчатыми башнями и полированными жёлтыми кирпичами, резко выделявшимися на фоне облаков. Оружейная палата, от которой происходит название моего района, на самом деле больше не имеет никакого отношения к оружию. Мне приходит в голову, что многие вещи в Провиденсе уже не те, что были раньше, но никто так и не удосужился дать им новые имена, а ведь старые названия могут ввести вас в заблуждение и сбить с толку.

Я прошла свою улицу, потому что в тот день мне захотелось погулять подольше, прежде чем возвращаться домой. Поэтому я миновала ещё два квартала, а затем свернула направо, оказавшись на Вуд-стрит. Позади меня осталась большая часть величественных деревьев, сменившись высокими узкими домами с мансардными крышами и эркерами, пряничной отделкой¹⁰ и скупыми кустарниками во дворах. Мне недалеко удалось уйти, когда я наткнулась на беспорядочную кучу картонных коробок у обочины. Внутри некоторых из них оказались DVD-диски, книги, несколько пластинок и разная кухонная утварь. Ещё там обнаружилась одежда (в основном футболки, джинсы и женское нижнее бельё), беспорядочно запакованная в несколько коробок. Также там стояли два деревянных кухонных стула, кофеварка, потрёпанная прикроватная тумбочка, торшер без абажура и куча другой рухляди. Я догадалась, что кого-то выселили, а вещи выбросили на улицу. Такое случается, но в этой части города не так часто, как в Колледж-Хилл. Я была удивлена, что там не оказалось матраса, потому что в таких случаях рядом почти всегда валяется матрас с пружинной подложкой. Я прислонила зонтик к телефонному столбу и принялась рыться в ящиках. Хорошо, что обошлось без дождя, иначе тогда всё оказалось бы безнадёжно испорчено.

Я давно пришла к выводу, что имеет смысл собирать вещи тех людей, которые не заплатили за квартиру, всё бросили и налегке двинулись дальше. Половина моей квартиры завалена разным хламом, а однажды мне посчастливилось найти первое издание «Великого Гэтсби» и стопку комиксов о Супермене 1940-х годов, спрятанную в ящике старого бюро. Магазин подержанных книг в центре города заплатил мне столько денег, что почти хватило покрыть арендную плату за месяц. Как бы то ни было, я только начала перебирать книги – в основном научную фантастику и фэнтези, – когда услышала чьи-то шаги и подняла голову. Вуд-стрит в этот момент переходила какая-то высокая девушка, её чёрные ботинки громко стучали по асфальту. Первое, что бросилось мне в глаза, – это то, насколько она хороша собой, в андро-

¹⁰ *Пряничная отделка* – архитектурный стиль, подразумевающий тщательно детализированные, декоративные украшения фасадов зданий, распространённый в 1860–1870 гг. в США.

гинном стиле, как у Тильды Суинтон. Второе, что я заметила, – вид у неё был очень-очень рассерженный.

– Эй! – крикнула она с середины дороги. – Какого хрена ты делаешь?

Она угрожающе нависла надо мной, прежде чем я смогла придумать ответ. Рост у Абалин почти шесть футов, а это значит, что она на добрых пять дюймов выше меня.

– Это твоё? – робко спросила я, гадая, действительно ли её короткие волосы такие иссиня-чёрные или она их красит.

– Чёрт возьми, да, это моё! – воскликнула она и выхватила у меня из рук книгу в мягкой обложке. Я могла бы сказать, что её голос походил на рычание, но это может ввести вас в заблуждение, как Тренировочный комплекс Декстера и Оружейная палата. – Почему ты решила, что можешь вот так просто взять и начать рыться в чужом дерьме?

– Я подумала, что его выбросили, – робко ответила я.

– Что ж, это не так.

– Мне показалось, что это просто хлам, – добавила я.

– Если это просто хлам, какого чёрта тебе тогда надо? – потребовала она, и в этот момент я обратила внимание, что у неё зелёные глаза. Не такие неестественно-зелёные, как деревья на Парадной улице, а того зелёного цвета, какой бывает зимой у моря на отмелях, когда его воды перекатываются по гранитной гальке, или у волн беспокойного, мятущегося океана, либо как у полированных осколков стекла на пляже, которые раньше были бутылками кока-колы и севен-ап. Зелень, переходящая в лёгкую синеву.

– Ну, если это не барахло, то почему оно валяется здесь, на обочине, как барахло?

– О, чёрт возьми, – вздохнула она, закатив глаза. – С какого перепугу тебя это интересует?

Затем она хмуро посмотрела на меня, и на мгновение мне показалось, что она либо ударит меня по лицу, либо развернётся и уйдёт. Вместо этого она просто бросила книгу в мягкой обложке в коробку – не в ту, из которой я её достала, – и провела пальцами по своим чёрным волосам, которые, как мне подумалось, были крашеными. Кроме того, я предположила, что она, возможно, на несколько лет старше меня.

– Честно говоря, я не знала, что это твоё. Подумать не могла, что это всё кому-то принадлежит. Я не воровка. – Затем я ткнула пальцем в облачное небо. – Знаешь, в любую минуту может начаться дождь, так что тебе, наверное, стоит где-то спрятать всё это добро, пока оно не намокло и не испортилось.

Она снова поморщилась, словно всё-таки собралась меня ударить.

– Я жду кое-кого, – буркнула она. – У моего друга есть грузовик, и он пообещал мне, что будет здесь ещё два с половиной часа назад. – Она нахмурилась, кинув взгляд в сторону парка, находящегося на дальнем конце Вуд-стрит. – Я планировала оставить весь этот скарб храниться в его гараже.

– И как ты думаешь, где он? – спросила я, хотя меня это совершенно не касалось. Наверное, на меня так подействовал необыкновенный цвет её волос. И её изумрудные глаза.

– Да хрен его знает. Он не отвечает, хотя я ему уже десяток сообщений отправила. Наверное, снова потерял телефон. Он частенько либо теряет телефоны, либо их у него крадут.

– Может пойти дождь, – повторила я, решив, что в первый раз мои слова прозвучали слишком тихо и девушка меня не услышала, но она вновь не обратила на них ни малейшего внимания. Поэтому я спросила, почему её вещи оказались свалены в пасмурный день на тротуаре, если они ей ещё нужны. Вместо ответа она махнула рукой в сторону одного из самых ветхих домов на другой стороне улицы, из тех, которые десять лет назад никто не потрудился отремонтировать, облагородить и попытаться сдать в аренду жильцам, которые не захотели бы селиться в Оружейной палате. Его облупившаяся краска своим цветом походила на творог, за исключением краёв, которые больше напоминали варёную капусту.

– Ты там жила? – догадалась я. – Тебя выселили?

– Да, можно и так сказать, – согласилась она (и вновь я могла бы сказать, что она зарычала, но...), вздохнула и уставилась на свои книги, компакт-диски и прочее барахло. – Эта шлюховатая сука, моя подруга, выгнала меня оттуда, что, видимо, равносильно выселению. Арендный договор оформлен на её имя, поскольку у меня плохая кредитная история – я не выплачивала свои студенческие ссуды.

– Я не училась в колледже. Моя квартира всего в паре кварталов отсюда, – я указала рукой в сторону Уиллоу-стрит.

– И что?

– Ну, квартира у меня не очень большая. Но большая её часть пустая, потому что мебели у меня не очень много, и живу я одна. Однако у меня есть машина. Крохотная «Хонда», поэтому нам, наверное, придётся сделать две или три ездки, но мы могли бы увезти твои вещи с улицы. Разве что стулья могут не влезть в салон.

– К чёрту стулья, – бросила она, впервые улыбнувшись. – Это хлам. Тумбочка и лампа – тоже. Вообще, ты серьёзно? Я имею в виду, если я подожду здесь ещё несколько часов, тот парень, возможно, все же появится. Мне бы не хотелось навязываться и как-то тебя беспокоить.

– Ты вовсе не навязываешься, всё нормально, – сказала я, стараясь звучать так, будто мне всё равно, примет она моё предложение или откажется. Мне так сильно хотелось, чтобы она сказала «да», что я, наверное, даже тайком скрестила пальцы. – В любом случае у меня не было никаких планов на вечер, и будет обидно, если пойдёт дождь и все твои вещи промокнут.

– Это ещё не всё, – хмыкнула она. – Телевизор, компьютер и мои игровые принадлежности ждут своей очереди в коридоре нижнего этажа, – и она вновь указала на дом цвета творога и капусты. – Я отказалась вытаскивать их на улицу, пусть она там хоть голос сорвёт от воплей, мне по фигу.

– Я пойду за машиной, – объявила я. – Подожди здесь, на случай, если кто-нибудь ещё решит, что это ничейный хлам. – С этими словами я протянула ей свой зонтик. Мгновение она смотрела на него, как будто никогда раньше не видела зонтиков и понятия не имеет, для чего они нужны.

– Это если пойдёт дождь, – объяснила я. – По крайней мере, поможет сохранить книги сухими.

Она кивнула, хотя вид у неё по-прежнему оставался немного смущённый.

– Ты точно уверена? – осторожно спросила она. – Я даже не знаю твоего имени.

– Меня зовут Индия, – представилась я. – Как страну или индийские чернила, но обычно люди зовут меня Имп. Так что можешь называть меня или Имп, или Индия. Меня устроит любой вариант.

– Хорошо, Имп. Что ж, это ужасно мило с твоей стороны. Обещаю, что самое позднее к завтрашнему вечеру я избавлю тебя от своего присутствия. Меня зовут Абалин, собственно, все меня так и называют. Только не называй меня Эбби. Я это ненавижу.

– Хорошо, Абалин. Жди здесь. Я скоро вернусь.

Она бросила обеспокоенный взгляд на низко нависающее, тревожное небо и открыла зонтик. А я поспешила домой за своей машиной. В итоге нам пришлось сделать четыре ездки из-за телевизора и компьютера с игровыми причиндалами, но меня это ничуть не утомило. Она сказала, что ей нравятся мои галоши, синие с жёлтыми утятами, и если бы её чёрной гривы и зелёных глаз оказалось недостаточно, чтобы вскружить мне голову, то это стало контрольным выстрелом.

Вот так я впервые познакомилась с Абалин Армитидж.

– *Мне кажется, что я вру, – печатает на машинке Имп.*

Нельзя сказать, что встреча с моей бывшей возлюбленной в пасмурный июньский день, когда кроны деревьев отливали какой-то нереальной зеленью, – это полностью выдумка. Нет,

это правда, как и то, что её вещи были свалены кучей на тротуаре. А я нечаянно чуть было не стала воровкой, нацелившись на её книги. Просто в действительности я совершенно не помню, о чём мы тогда разговаривали. Не думаю, что кто-то смог бы описать подобный случай и не соврать, вспоминая разговор, который произошёл два с половиной года назад. Тем не менее я вовсе не собиралась лгать, пытаюсь обрисовать сцену нашего с Абалин знакомства. С другой стороны, я и не утверждала, что буду говорить чистую правду. Мне приходится идти по тонкой грани, не так ли? Наверное, я должна немного расслабиться. Описание нашей встречи с Абалин – это правда, просто не совсем точная, вроде фильма, «основанного на» или «вдохновлённого» реальными событиями. Я должна заполнить все лакуны, чтобы это была полноценная история, а не просто набор сцен, изложенных словами вместо кинокадров. У меня не очень хорошая память, поэтому я так и не смогла выучить наизусть таблицу умножения, периодическую систему, названия столиц всех штатов или правила игры на альт-саксофоне. Из-за этого мне пришлось принять нелёгкое решение и отказаться от поступления в колледж. Я чувствовала, что для меня возможность окончить школу – это уже везение, с моей-то дырявой памятью. Откровенно говоря, я не могла позволить себе учёбу в университете, но по крайней мере у меня сейчас нет долгов, как у Абалин. Да, в этой части мой рассказ полностью правдив и соответствует фактам. И ни одно из имён не было изменено, чтобы защитить невиновных.

Конечно, мне ещё ни разу не доводилось встречать совершенно ни в чём не повинного человека. Каждый из нас рано или поздно причиняет кому-то боль, как бы сильно мы ни старались не навредить. Моя мама, например, сделала больно мне, будучи сбитой с толку моим гребаным отцом (у которого даже не хватило любезности жениться на ней, хотя они жили вместе около десяти лет), но я уверена, что в то время она не собиралась делать больно родной дочери, которая ещё не появилась на свет. Полагаю, её поступок можно охарактеризовать как преступление на почве страсти или из-за отсутствия должной предусмотрительности. Я уверена, что бабушка Кэролайн, когда забеременела, понятия не имела, что дочь унаследует её безумие, а затем передаст его незаконнорожденной внучке. В тот день, когда я, совершенно непреднамеренно, чуть было не украла книги Абалин, у меня не было намерений навредить ей, завязав невинный разговор, но то, что в результате этой беседы у нас завязались отношения и как впоследствии все сложилось... получается, что именно так я и поступила. Причинила ей боль. Я не верю в понятие греха, первородного или любого другого, но у меня не вызывает сомнений, что люди вредят друг другу и что воображать, будто может быть как-то иначе, – это путь к жестокому разочарованию. Я считаю, что это истина, как и мой не совсем точный рассказ о нашем первом разговоре с Абалин, хотя мне сложно привести какие-то доводы в обоснование этой точки зрения.

Учитывая вышесказанное, мне кажется, что моё повествование должно быть максимально правдивым. Рассказывая эту историю о привидениях, я представляю себе факты и истину, как кирпичи и раствор, хотя мне не очень понятно, что и чем конкретно является. Факты – это, наверное, кирпичи, а правда – цементный раствор, которым они скреплены. Мне понравилось, как звучит эта метафора, поэтому я решила, по крайней мере на какое-то время, что буду считать её истиной. Между тем я не могу полностью полагаться на все эти рассуждения об истине и фактах. Они взяты из эссе в защиту жанра фэнтези под названием «Почему американцы боятся драконов?»¹¹, написанного Урсулой К. Ле Гуин. С таким же успехом она могла бы спросить: «Почему американцы боятся призраков, оборотней и русалок?» Во всяком случае, она пишет следующее: «Разумеется, фантазия истинна. Она не реальна, но истинна. Дети знают это. Взрослые [американцы] тоже знают – и именно потому боятся фантазии». Это

---

¹¹ «Почему американцы боятся драконов?» («Why Are Americans Afraid of Dragons?», *англ.*) – эссе Урсулы Ле Гуин, впервые опубликованное в 1974 г.

ещё одна цитата, припиленная к стене в комнате, где я рисую, рядом с цитатой из предсмертной записки Вирджинии Вулф.

Имп взглянула на только что набранные строки, а затем добавила:

– Хватит медлить, Индия Морган Феллс. Ты начинаешь вызывать раздражение.

В детстве моей любимой сказкой была «Русалочка», и мне особенно нравилось, когда её читала вслух бабушка Кэролайн. У неё хранился потрепанный старый экземпляр «Сказок Ганса Христиана Андерсена», напечатанный в 1911 году, за три года до её рождения. Она рассказывала, что её мама купила его в книжном магазине «Брэттл» в Бостоне, когда была беременна ею. Книга сказок моей бабушки проиллюстрирована двадцатью восемью прекрасными акварельными картинами французского художника Эдмунда Дюлака, который родился в 1882 году, а умер в 1953-м. Когда Кэролайн покончила с собой, эта книга оказалась одной из немногих вещей, которые перешли мне по наследству, – теперь я тоже храню её в той комнате, где рисую свои картины. Страницы пожелтели и стали ломкими, а иллюстрации начали тускнеть. Мне кажется, они были намного ярче девяносто семь лет назад, когда моя прабабушка купила книгу, чтобы читать сказки своему будущему ребёнку. Конечно, мне нравились и другие сказки, особенно «Снежная королева» и «Сказка ветра», но ни одна из них меня и вполнину не очаровывала так, как «Русалочка». Я уверена, что Кэролайн выучила эту историю наизусть – столько раз я просила её рассказать. Однако она всегда притворялась, будто действительно читает книгу, останавливаясь, чтобы показать мне иллюстрации Эдмунда Дюлака. Я смотрела две экранизации этой сказки – «Всплеск»¹², вышедший за два года до моего рождения, и анимационную версию Диснея, выпущенную, когда мне было три года; обе я смотрела на видеокассетах. То, как Дисней изменил концовку, изрядно меня разозлило. Конечно, во «Всплеске» тоже изменили финал, но там хотя бы не было безвкусной музыки, и Дэрил Ханна не пришлось отказываться от своей русалочьей природы.

По моему мнению, диснеевский финал превратил правдивую (хотя и не подтверждённую фактами) историю в ложь.

А вот самой нелюбимой моей сказкой в детстве была «Красная Шапочка». Разумеется, её не было в той книге, которую моя прабабушка купила в Бостоне, поскольку её написал не Ганс Христиан Андерсен, а Шарль Перро (не путать с Альбером Перро). И опубликована она была не в 1911-м, а в 1697 году. Тогда она впервые была напечатана, но сама эта история существовала в разных формах задолго до того, как Перро изложил её на бумаге. У меня есть своего рода досье, посвящённое «Красной Шапочке», с указанием всех версий, восходящих к XI веку. Большинство людей знают эту сказку в том виде, в каком её записали братья Гримм, и детям в основном рассказывают этот причёсанный и смягчённый вариант, в котором охотник спасает девочку от волка. Но Кэролайн рассказывала мне эту историю в том виде, в каком она была опубликована в «Histoires ou contes du temps passé, avec des morités: Contes de ma mère l'oye»¹³, в 1697 году. Красную Шапочку с её бабушкой там съедает волк, и никто не приходит к ней на помощь, в общем, никакого хеппи-энда. Мне кажется, что этот вариант сказки – наиболее честный, хотя даже сейчас, во взрослом возрасте, меня мало трогает что эта версия, что более поздняя.

В любом случае, даже со счастливой концовкой, эта история изрядно меня напугала. Во-первых, я никогда не представляла волка как обычного серого волка; нет, в моих фантазиях он выглядел как некое двуногое создание, больше похожее на человека, чем на лесного хищника. Полагаю, в моём понимании это был скорее оборотень. В более взрослом возрасте, прочитав

---

¹² «Всплеск» («Splash», *англ.*) – романтическая фэнтезийная кинокомедия Рона Ховарда о любви русалки и человека с Томом Хэнксом и Дэрил Ханна в главных ролях.

¹³ «Сказки былых времён» – сборник сказок, опубликованный в Париже в январе 1697 года под именем Пьера д'Арманкура, автором которых считается отец д'Арманкура – Шарль Перро. Все сказки, за исключением «Рике-хохолка», представляют собой обработки народных сказок.

книгу о волках и посмотрев документальный фильм «Нэшнл Географик», я поняла, что образ волка, который нарисовало моё воображение, сделал историю более достоверной, потому что люди намного опаснее волков. Особенно если ты волк или маленькая девочка.

Моя мама никогда не читала мне сказок и не рассказывала их по памяти. Поймите меня правильно, Розмари-Энн вовсе не была плохой матерью, она просто не увлекалась сказками.

Имп набрала на клавиатуре печатной машинки:

– Думаю, всё то, что я написала до сих пор, можно назвать пролегоменами¹⁴, и надо признаться, раньше у меня не было необходимости использовать это слово.

Потом она встала и пошла в уборную, потому что ей приспичило пописать после той части рассказа, где она упомянула Дэрил Ханну. На обратном пути в комнату она прихватила пригоршню «Лорны Дун»¹⁵ и яблоко, поскольку снова пропустила ужин. Затем Имп вновь села за пишущую машинку и продолжила печатать:

– Понимание важности сказок и её любовь к «Русалочке» – а также отвращение к «Красной Шапочке» – лежат в основе истории с привидениями, которую она сейчас пишет.

То есть мы не отклоняемся в сторону от основной канвы рассказа.

Через пару месяцев после того, как Абалин переехала ко мне в квартиру, мы пошли на выставку в галерею Белл, которая расположена в Университете Брауна. Сходить туда была её идеей, а не моей. Выставка, которая называлась «Видение абсолютного разрушения», представляла собой ретроспективу работ художника, разбившегося на мотоцикле несколько лет назад, который называл себя Альбером Перро (хотя при рождении ему дали другое имя). Я уже была о нём немного наслышана. Абалин прочитала где-то в интернете статью о Перро, и я согласилась пойти вместе с ней, потому что ей очень хотелось туда попасть. Выставка представляла собой обширную экспозицию картин маслом, скульптур и произведений в смешанной технике, которые почти все были вдохновлены, в той или иной мере, сказками, в основном – «Красной Шапочкой». Если бы я знала это заранее, то отпустила бы Абалин одну. Мало того, я бы, наверное, на этом даже настояла. А так мне пришлось держаться за её руку почти всё время, пока мы прогуливались по галерее.

Мы расписались в гостевой книге за столиком у двери, и Абалин взяла гляцевую брошюру, посвящённую выставке. Первая картина имела латинское название «Fecunda ratis»¹⁶. Она была написана в основном в серых красках, хотя можно было заметить ещё несколько бликов зелёного и алебастрового цвета, и одно яркое малиновое пятно неподалёку от центра композиции. Карточка на стене рядом с картиной гласила, что Перро позаимствовал название из книги педагога XI века по имени Эгберт Льежский, включающей в себя «De puella a lupellis seruatā» – рассказ о пропавшей девушке, которую нашли живущей в стае волков. По сюжету она носила красную шерстяную тунику, подаренную ей дедушкой в день крещения. Кто-то заметил эту красную тунику, и девушку спасли, что, как я полагаю, превращает эту историю в морализаторскую сказку. Мол, крестите своих детей, или им придётся жить с волками.

Картина мне не понравилась. От её вида меня захлестнуло какое-то жутко неуютное ощущение. И не только потому, что я вспомнила о своей былой зацикленности на «Красной Шапочке». Нет, в этом полотне ощущалось что-то ужасное, некая угроза, из-за чего я не могла смотреть на него больше нескольких секунд. Полагаю, меня должно было поразить то, насколько искусно художнику удалось передать в своих работах чувство страха. Моё впечатление в данном случае складывалось постепенно. Я ещё раз бросила взгляд на картину и снова отвернулась. Не думаю, что Абалин это заметила; не уверена, что она понимала, какое гнету-

---

¹⁴ *Пролегомены* – рассуждения, формулирующие исходное понятие и дающие предварительные сведения о предмете обучения; введение в изучение той или иной науки, позволяющее сформировать предварительное понимание данной дисциплины.

¹⁵ «Лорна Дун» («Lorna Doone», *англ.*) – печенье, выпускается в США с 1912 г.

¹⁶ «Fecunda Ratis» («Нагруженный корабль», *лат.*) – труд Эгберта Льежского, автора XI века, выпущен в 1023 г., представляет собой сборник историй, в том числе самую раннюю версию сюжета, лёгшего позднее в основу сказки «Красная Шапочка».

щее воздействие на меня оказывала та выставка, пока я прямо не спросила, не можем ли мы уйти, – произошло это через двадцать минут, когда мы успели посмотреть ещё несколько картин и скульптур.

Прежде чем сесть за печатную машинку, я погуглила в Сети «Fecunda ratis» и просмотрела несколько её изображений, поскольку опасаясь полагаться на свою дырявую память. Картина не произвела на меня такого же гнетущего впечатления, как в тот августовский день в галерее Белл. Слишком много с тех пор успело произойти событий, по сравнению с которыми скульптуры и картины Альбера Перро, при всей своей жуткости, кажутся детскими картинками. Но, как я уже отмечала, исполнена она в основном в серых тонах, с красным пятном в районе центра. Пятно образует своего рода неподвижную точку, центр композиции или точку опоры, кому как больше нравится. Эта детская крестильная туника из шерсти – единственный предмет одежды, который есть на девушке. Она стоит на четвереньках, её голова опущена так низко, что невозможно разглядеть лицо. Не видно ничего, кроме дикого клубка спутанных волос и красной туники, что производит, если рассматривать картину в целом, довольно жестокое, сбивающее с толку впечатление. Девушка окружена тёмными, грузными фигурами волков, за которыми, в свою очередь, видны вершины стоячих каменных глыб, представляющих собой кольцо мегалитов.

Волки изображены настолько нечётко, что их можно принять за каких-то других существ, если предварительно не прочесть карточку на стене возле холста. Я вполне могла бы окинуть взглядом огромных лохматых тварей, которые, присев на корточки, жадно и непристойно наблюдают за девушкой, легко приняв их за медведей. Медведей или даже... не знаю, быков, например. По картине не скажешь, собираются ли волки съесть девушку или, наоборот, охраняют её. Невозможно сказать, удивляются ли они виду этой странной волчицы или думают о том, что раньше им ещё ни разу не доводилось заниматься любовью с человеческой женщиной, и это, возможно, будет интересный опыт.

Но самое тягостное впечатление производит полоска рисовой бумаги в нижнем левом углу холста. На ней начертаны следующие слова: «Никто и никогда за тобой не придёт».

Когда я садилась со своим яблоком и «Лорной Дун» за написание этого рассказа, в голове у меня крутилась мысль, что я смогу подробно описать все картины, участвовавшие в выставке «Видение абсолютного разрушения». Или хотя бы те работы, которые я успела посмотреть, прежде чем меня начало тошнить и нам пришлось срочно покинуть галерею. «Ночь в лесу», например, очень похожую на «Fecunda ratis», только больше размером. Полотна с названиями «1893» и «Приступ страха посреди толпы». Серию ржавых металлических клеток под общим названием «Хлебные крошки», в каждой из которых красовалось по булыжнику, и у каждого на боку было выгравировано какое-то слово. А в центре всего этого раскинулась гротескная крутящаяся композиция под названием «Фазы», с 1-й по 5-ю, представляющая собой серию скульптур, изображающих превращение женщины в волчицу. И не просто женщины – это оказался расчленённый труп Элизабет Шорт, известной большей части цивилизованного мира как Чёрная Орхидея¹⁷. Эти скульптуры потом ещё несколько недель преследовали меня в кошмарах. До сих пор меня временами озноб пробивает от этих воспоминаний. Я собиралась описать всё в меру своих скромных возможностей. Но теперь думаю, что будет лучше отказаться от этой идеи. Возможно, позднее, когда этого нельзя будет избежать, но не сейчас.

– Итак, – напечатала Имп, – вот оно, начало моего рассказа, каким бы хаотичным и бессвязным он ни казался. Я взялась за написание своей истории с привидениями и буду притворяться, что обратного пути больше нет.

¹⁷ Элизабет Шорт, известная под прозвищем Чёрная Орхидея (Black Dahlia, *англ.*), – жертва оставшегося нераскрытым преступления, произошедшего в окрестностях Лос-Анджелеса в 1947 году. Её убийство остаётся одним из самых загадочных преступлений, совершённых в США.

Это ложь, но притворяться всё равно придётся.

В конце концов, всё это может сложиться (или нет) во что-то связанное.

Я не узнаю, пока не отыщу концовку.

Я. Розмари-Энн. Кэрролайн. Три сумасшедшие женщины, одна за другой. Самоубийство моей матери и бабушки. Избавиться от некоторых слов, чтобы страшные вещи стали менее пугающими, оставив только те слова, которые потеряли былой смысл. «Русалочка». Пасмурный день, в который я встретила Абалин. Мёртвые воробы и мыши в закупоренных бутылках. «Утопленница», написанная человеком, который свалился с лошади и разбился насмерть. «Fecunda ratis», созданная художником, который упал с мотоцикла и погиб. Тот самый художник, что взял себе фамилию француза, – о котором часто говорят, будто это он написал историю про Красную Шапочку, – а затем принялся создавать ужасающие произведения искусства, вдохновлённые этой сказкой, которая стала моей особенно нелюбимой сказкой из всех существующих. Якова Энгвин и «Открытая Дверь Ночи», к которым я ещё вернусь позже. Докучливые призраки и вредоносные мемы. Боль, которую мы причиняем другим людям, сами того не желая.

Ночная просёлочная дорога в восточном Коннектикуте. И ещё одна тёмная дорога у реки в Массачусетсе. Женщина, назвавшаяся Евой Кэннинг, которая, вероятно, была призраком, волчицей или даже русалкой – а скорее всего, неким странным созданием, которому суждено навсегда оставаться безымянным.

Такова совокупность записей, которые я по совету моей мамы делала, чтобы не забыть о том, что произвело на меня сильное впечатление. Это своего рода моё запоздалое извинение перед Абалин, хотя я знаю, что она никогда его не прочтёт.

Возможно, это станет моим карманом, набитым камнями.

– Пока хватит, – напечатала Имп. – Надо отдохнуть. Вернёшься позже, рукопись никуда не денется.

2

– *Что насчёт разделения текста на главы? – напечатала Имп. – Поскольку я записываю свою историю не для того, чтобы её кто-то прочитал, – а это определённо так, – и она никогда не будет издана, то зачем мне заморачиваться с разбивкой на главы? Зачем вообще кому-то заморачиваться с главами? Только для того, чтобы читатель знал, где можно остановиться и быстро сбежать в туалет, перекусить или выключить свет и лечь спать? Разве главы не схожи чем-то с началом и концом истории? Ведь это, по сути, такие же произвольные и удобные конструкции? – Тем не менее, она напечатала арабскую цифру 2 ровно через семнадцать строк с одинарным интервалом от верха страницы, на чистом листе машинной бумаги.*

Вокруг меня скользит своей дорогой октябрь. Я провела уже несколько дней, заполненных сплошной работой, пытаясь решить, с какого места и как продолжить свою историю с привидениями. Или даже стоит ли вообще продолжать работу над этой историей с привидениями? Очевидно, я решила, что стоит. Это похоже на ещё одну разновидность одержимости: начать какое-то дело только для того, чтобы никогда его не закончить. Я, например, всегда дописываю свои картины. Взявшись за какую-то книгу, я обязательно должна её дочитать, даже если она вызывает у меня отвращение. Я никогда не выкидываю остатки еды. Когда у меня возникает желание подышать свежим воздухом, я планирую маршрут предстоящей прогулки и обязательно прохожу его от и до, даже если вдруг пойдёт снег или дождь. В противном случае мне придётся бороться с навязчивыми мыслями о незавершённых делах.

До знакомства с Абалин Армитидж я никогда не играла в видеоигры. У меня даже компьютера не было. И о транссексуалах я тоже мало что знала. Но к этому я вернусь позже. Сейчас же я напишу о видеоиграх, поскольку это была одна из самых первых тем, о которых мы болтали с ней тем вечером. Нам удалось перевезти все её пожитки с Вуд-стрит ко мне на Уиллоу-стрит, из того места, которое она больше не могла считать своим домом, поскольку бывшая девушка выселила её оттуда, успев до того, как пошёл дождь, который в тот день действительно начался, доказав, что я всё-таки поступила благоразумно – пускай и несколько преждевременно, – взяв с собой зонт и надев галоши. Мы перетаскали её вещи по лестнице в мою квартиру. Большую их часть мы сложили в гостиной, которая всё равно стояла тогда практически пустой.

– Ты первый человек на моей памяти, который называет комнату в своём доме гостиной, – усмехнулась Абалин. Она сидела на полу, перебирая свои компакт-диски, словно проверяя, не осталось ли что-то на её старой квартире.

– Правда?

На мгновение она смерила меня взглядом, а затем произнесла:

– Было бы это не так, я бы не стала этого говорить.

– Что ж, справедливо, – согласилась я, а затем спросила, не хочет ли она выпить чашку чая.

– Я бы предпочла кофе, – ответила она, и мне пришлось признаться, что я не пью кофе, поэтому не смогу его приготовить. Вздохнув, она пожала плечами: – Ничего. – А затем добавила: – Придётся мне что-то с этим делать. Я жить не могу без кофе. Но все равно спасибо.

Я была на кухне всего минут десять, но когда вернулась, она уже успела включить свой телевизор и пыталась теперь подсоединить к нему одну из игровых консолей. Я устроилась на диване, наблюдая за ней и попивая свой чай. Он был сладкий, но без лимона, потому что я забыла его купить, когда в последний раз ходила на рынок.

– Ты любила её? – осмелилась я спросить, и Абалин хмуро на меня покосилась через плечо.

– Это чертовски сложный вопрос, – буркнула она.

– Верно. Но... всё же?

Она снова вернулась к своим проводам и чёрным пластиковым коробкам, и на мгновение мне показалось, что она не собирается мне отвечать, поэтому я должна придумать какой-то другой вопрос.

– Я этого хотела, – сказала наконец Абалин. – Возможно, поначалу мне так казалось. Мне хотелось думать, что я её люблю.

– А она тебя любила?

– Она любила того человека, каким меня представляла или, скорее, каким посчитала, когда мы только повстречались. Но нет, я не думаю, что она когда-либо меня любила. Я даже не уверена, что она вообще меня понимала. Впрочем, я тоже вряд ли когда-либо её понимала.

– Ты скучаешь по ней?

– Слушай, прошла всего пара часов. – Абалин явно начала выходить из себя, поэтому мне пришлось сменить тему. Вместо этого я решила расспросить её о загадочных чёрных ящиках и телевизоре. Она объяснила, что один из них – это «Xbox 360», а другой – «PS3». После чего ей пришлось объяснить, что PS – это аббревиатура от «PlayStation». Ещё у неё обнаружилась «Nintendo Wii», название которой она произносила как «мы»¹⁸. Я сидела и покорно слушала, хотя особого интереса всё это у меня не вызвало. Я испытывала неловкость оттого, что спросила её о бывшей девушке, запоздало осознав, насколько это личная тема, поэтому посчитала, что лучше просто сидеть и слушать, и это меньшее из того, что я могла сделать. Мне показалось, что это поможет ей отвлечься от мыслей о бывшей, от того, что она внезапно потеряла крышу над головой, и прочих проблем.

– Мне платят за написание обзоров игр, – объяснила она, когда я спросила, почему она тратит так много времени на видеоигры. – В основном я пишу для веб-сайтов. Ещё изредка для нескольких печатных журналов, но в основном для веб-сайтов.

– Люди читают обзоры видеоигр?

– Как по-твоему, мне бы платили за их написание, если бы это было никому не нужно?

– Действительно. Но... Полагаю, я просто никогда об этом не задумывалась. – И я призналась ей, что никогда не играла в видеоигры. Она переспросила, не шучу ли я, и мне пришлось убеждать её, что нет, не шучу.

– Я не очень люблю игры, – объяснила я. – По-моему, это какое-то бессмысленное занятие. Я хорошо играю в шашки и джин¹⁹, да и в нарды неплохо. Но это было так давно... – Я замолчала, и она снова искоса посмотрела на меня через плечо.

– Ты всегда жила одна?

– С тех пор, как мне исполнилось девятнадцать, – ответила я, подозревая, что она подумает что-то вроде: «Вот почему ты такая странная».

– Но со мной всё в порядке, – добавила я.

– Ты не чувствуешь себя одинокой?

– Не особенно, – быстро ответила я; это была ложь, но мне не хотелось показаться жалкой или сентиментальной. – У меня есть мои картины и работа. Я много читаю и иногда пишу рассказы.

– А, значит, ты художник и писатель? – К этому времени она уже распутывала клубок чёрных кабелей, которые вытащила из недр одной из своих коробок.

– Нет, я художник. Просто иногда пишу рассказы.

– И их кто-нибудь где-то публиковал?

---

¹⁸ Игра слов – аббревиатура Wii созвучна со словом we (англ.), что означает «мы».

¹⁹ Джин – карточная игра, популярная в США, на двух игроков.

– Я продала несколько, но это не делает меня настоящим писателем. То есть не полноценным автором, я это имею в виду.

Она недовольно посмотрела на сплетение чёрных кабелей в своих руках, и на мгновение мне показалось, что она сейчас либо уберёт их обратно в коробку, либо бросит через всю гостиную.

– А картины ты когда-нибудь продавала? – спросила она.

– Нет, – ответила я. – Точнее, не мои настоящие картины. Только те, что с «летними людьми».

Абалин не спросила, что я имею в виду. То есть что такое картины «с летними людьми».

– Но ты считаешь себя художником, а не писателем. Ты же понимаешь, что это звучит совершенно бессмысленно, верно?

– Ну, ещё я работаю в магазине товаров для творчества и получаю там зарплату. Тем не менее я никогда не считала себя клерком или кассиром. Всё дело в том, что я считаю себя художником, поскольку рисование – это то, что мне по-настоящему нравится, чем я увлечена. Поэтому да, я художник.

– Имп, ты ведь не возражаешь, если я это всё подключу? Думаю, я должна была спросить, прежде чем начинать. Просто хочу убедиться, что ничего не сломалось. – В конце концов ей удалось распутать кабели и подключить консоли к телевизору, после чего она достала из картонной коробки сетевой фильтр.

– Нет, не возражаю, – сказала я, отхлебнув чаю. – На самом деле выглядит это довольно интересно.

– Знаю, но надо было спросить, прежде чем тут раскладываться.

– Я не против, – повторила я.

Какое-то мгновение я разглядывала большой телевизор с плоским экраном. Она прислонила его к стене. Мне приходилось раньше видеть их в витринах магазинов и в торговых центрах, но сама я никогда не держала дома телевизора. – У меня нет кабельного ТВ, – предупредила её я.

– О, это я уже поняла.

Пока мы так разговаривали, пошёл дождь, и Абалин слегка расслабилась, выяснив, что ничего не сломалось. Она рассказала мне, что её подружка – которую, кстати, звали Джоди (полагаю, и сейчас так зовут) – довольно грубо выбросила её пожитки в коридор, пока они скандалили. Абалин не пыталась её остановить. Так или иначе, она показала мне, как играть в пару игр. В одной нужно было играть за инопланетного солдата, сражающегося с вторжением пришельцев, и ещё там была синяя голографическая девушка. В другой главным персонажем выступал солдат, который пытался помешать террористам использовать ядерное оружие.

– Они все такие жестокие? – спросила я. – Там всегда главные персонажи мужчины? И всё о войне?

– Нет... нет и нет. Возможно, завтра я покажу тебе «Final Fantasy», а может быть, и «Kingdom Hearts». Эти игрушки, наверное, придутся тебе больше по душе. Хотя кое-какое насилие там всё же имеется. Просто не такое реалистичное, если ты понимаешь, о чём я. Мультяшное насилие.

Я не поняла, что она имеет в виду, но не сказала ей этого. Наконец дождь прекратился. Мы заказали доставку на дом китайской еды, и записка с предсказанием в моём печеньке поведала следующее: «Не останавливайся». Да, да, я не выдумываю.

– Это странно – доверять предсказаниям из печенек, – хмыкнула Абалин.

– А мне они нравятся, – ответила я. У меня до сих пор хранится эта записка, прибитая к стене, с цитатами Вирджинии Вулф и Урсулы К. Ле Гуин. Я всегда сохраняю записки из печенья с предсказаниями, хотя обычно складываю их на кухне в старинную коробку из-под конфет. У меня их там уже, наверное, не меньше сотни.

– Ну и к чему всё это? – напечатала Имп, поскольку повествование стало казаться ей несколько бессвязным. И тут же сама набрала ответ: – Потому что это случилось на самом деле. Это одно из тех событий, которые, как я уверена, действительно имели место в реальности.

– Почему ты так в этом уверена?

– Потому что я всё ещё храню записку с предсказанием из того самого печенья, – заколотила по клавишам Имп. Хотя вряд ли это можно назвать удовлетворительным ответом. – Хорошо, – произнесла она вслух. – Не забывай об этом, пока у тебя сохраняется хоть малейшее понимание, зачем ты это делаешь.

Я ничего не забыла.

Не потому ли я всё это записываю, что не забыла, не *научилась* забывать? Абалин – всего лишь один из призраков, как и моя мама с бабушкой, а также Филипп Джордж Салтоншталь, Альбер Перро и Ева Кэннинг. Ведь никто никогда не утверждал, что обязательно нужно умереть и оказаться в могиле, чтобы превратиться в призрака. А если подобные предположения и были, то эти люди явно ошибались. Те, кто верит в подобные вещи, никогда не страдали от преследований со стороны призраков. Либо обладают крайне скудным опытом общения с ними, поэтому просто не в курсе, что может быть как-то иначе.

В ту ночь Абалин спала на диване, а я в своей постели. Я долго не могла уснуть, думая о ней.

Если я дам прочитать эти страницы доктору Огилви, она, вероятно, скажет, что я демонстрирую классическую реакцию избегания²⁰, судя по тому, как излагаю эту историю с привидениями.

Но ведь это моя история, не так ли? Поэтому я могу излагать её так, как мне того хочется.

Я в своём праве: медлить и тянуть время, добираясь до очередной точки сюжета тогда, когда мне это по душе. У меня нет преданных читателей, вкусам которых нужно угождать, есть только я и больше никого. Тем не менее я хочу попробовать написать о том случае на дороге. О ночи, когда я повстречала Еву Кэннинг. Сейчас не имеет никакого значения, идёт ли речь о Шоссе 122, что тянется вдоль реки Блэкстоун, сразу за Милвиллем, в штате Массачусетс, или о дороге Вулф-Ден-роуд на северо-востоке Коннектикута. Поэтому также не имеет значения, когда произошёл тот случай на ночной дороге, летом или осенью. Дорога в данном случае представляет собой некий архетип, абстракцию. Это может быть любая дорога и какая угодно ночь. Конкретика не сделает мой рассказ более правдивым, лишь добавит фактологии.

Мне нужно всё записать. Всё, что со мной произошло. Я должна быть правдивой и не отступать от фактов, при этом начать мне нужно с краткого описания событий той ночи (или ночей). Взглянуть на них краешком глаза. Пробежаться буквально по кромке моей памяти, так сказать. Окинуть мысленным взором. Поступить иначе слишком рискованно, можно поддаться приступу паники и сбежать. Попытаться всё забыть и забросить эти страницы, никогда к ним больше не вернувшись. Мне ведь не нужно пялиться на солнце, чтобы видеть свет, который от него исходит. Это было бы ужасно глупо, не так ли? Я имею в виду, смотреть на солнце. Конечно, это глупо.

Итак, вот я еду на своей «Хонде» по трассе, это может быть Массачусетс или Коннектикут, лето или ноябрь. Это случилось через месяц после того, как я встретила Абалин – или почти четыре месяца спустя. В любом случае я еду одна, а ночь вокруг стоит тёмная, хоть глаз выколи. В небе надо мной висит молодая луна, и единственный источник света – это фары моего автомобиля и звёзды, которые в глубинке видны гораздо лучше, чем в городе и пригородах, страдающих от светового загрязнения. Ещё есть свет, исходящий от приборной панели

---

²⁰ Реакция избегания – реакция на эмоциогенный раздражитель, является следствием тревоги и страха перед негативным раздражителем.

«Хонды», мягкое, но немного болезненное зелёное мерцание, навевающее мне мысли о каком-то фантастическом фильме или абсенте, который, впрочем, я никогда не пробовала.

Я занимаюсь этим, когда не могу уснуть. Когда голова слишком забита голосами и мыслями о прошлом. Тогда я сажусь в «Хонду» и еду куда глаза глядят. Безо всякой цели, лишь бы куда-то ехать. Обычно я отправляюсь на запад или на север, подальше от Провиденса, подальше от мест, где так много людей. Я заезжаю в такие места, где могу остаться наедине со своими мыслями, и хорошенько всё обдумываю, чтобы потом, вернувшись домой, можно было отдохнуть (иногда это случается уже после рассвета, из-за чего на работе я потом весь день сплю на ходу, а в выходные валяюсь до обеда в постели). Мне хочется заблудиться там, посреди ночных просторов, но я никогда не теряюсь настолько, чтобы не найти дорогу назад. «Все пути ведут к свиданию». Раньше я думала, что эти строчки принадлежат Ширли Джексон, потому что Элеонора вновь и вновь вспоминает их в «Призраках дома на холме», но, как выяснилось, это из «Двенадцатой ночи» Шекспира.

Все пути ведут к свиданию,
Это знает стар и млад²¹.

Сыновьям и дочерям.
Поскольку смерть не могла остановиться ради меня,
Я любезно остановилась ради неё²².

И где же мы остановились, Имп? О, прямо здесь, на дороге, в ночь новолуния, и сейчас стоит ноябрь или июль. На обочине лежат кучи снега, а может, наоборот, уже достаточно потеплело, чтобы я опустила стекла, и прохладный воздух задувал в мою дрянную маленькую машину. Я мчусь в ночи (признаюсь, в своих ночных экспедициях я частенько езжу слишком быстро, поскольку, когда пытаюсь сбежать от себя, непроизвольно жму на педаль газа). Только что тут никого не было, а в следующее мгновение вдруг появляется *она*. Просто так, из ниоткуда. Нельзя сказать, что это я на неё наткнулась. Скорее, это она неожиданно появилась. Ладно, не важно. Я-то точно знаю, что имею в виду. Если это ноябрь в Коннектикуте, то я смотрю ей в спину, в то время как она уходит куда-то вдаль, а справа от меня возвышается лес. Если же это июль, то она стоит на обочине, глядя куда-то на юг, в тот сгусток темноты, где скрывается гладь реки. В любом случае она совершенно обнажена. Это удивительно точное описание, несмотря на то что я не собиралась вдаваться в детали. За это меня должны награждать как минимум Серебряной звездой²³.

Я еду быстро и, учитывая то, насколько внезапным оказалось её появление, успеваю прогнаться мимо, прежде чем осознаю, что мне только что довелось увидеть. Затем я нажимаю на тормоза. Сбавив скорость, я останавливаюсь на аварийной полосе – если сейчас июль. Если же на дворе стоит ноябрь, я просто останавливаюсь, никуда не съезжая, поскольку здесь нет обочины, да и другого транспорта на разбитой асфальтовой дороге Вулф-Ден не наблюдается. Кроме того, вокруг так много снега, что я, наверное, застряла бы, если бы попыталась съехать на обочину.

Я вглядываюсь в зеркало заднего вида, и мигающие стоп-сигналы окрашивают всё позади меня в красный цвет. Но я её вижу, пускай и едва-едва. Хотя она, застыв голышом на обочине

---

²¹ Стихи цитируются в переводе Э. А. Фельдман-Линецкой.

²² Слегка изменённые строчки из стихотворения американской поэтессы Эмили Дикинсон «Я не могла остановиться ради смерти», 1890 г.

²³ Военная награда США, выдаётся за проявленную в бою храбрость.

дороги, похоже, меня не замечает. Что бы сделала нормальная женщина в такой ситуации? Поехала бы дальше, решив, что лучше не вмешиваться? Позвала бы на помощь? Вышла бы из машины, как сделала я? Приходится исходить из того, как я сама тогда поступила, хотя и не помню, чтобы мне пришлось принимать какое-то трудное решение. Признаться, я могу быть уверена лишь в собственных поступках. Я поставила «Хонду» на нейтралку, затянула стояночный тормоз и открыла дверь машины.

Даже если она меня и заметила, то не посчитала нужным повернуться. Она просто не обращает на меня внимания. Она стоит совершенно неподвижно – или, наоборот, идёт в мою сторону.

– Вы в порядке? – выкрикиваю я. Она стоит довольно далеко, поэтому мне приходится повышать голос, хотя ноябрьская ночь очень тихая. Если же это июль, то отовсюду раздаётся стрекот сверчков, кузнечиков и, возможно, цикад. – Вам нужна помощь? Может, вас куда-нибудь подвезти?

Она оглядывается на меня вполоборота через правое плечо, либо останавливается и пристально вперивается в меня взглядом.

– Вы в порядке? – вновь спрашиваю я.

Глупо прозвучит, если я скажу, что внешность у неё была неземная, но да, она действительно показалась мне тогда неземной. Более того, это выглядит как-то самонадеянно, правда? Словно я успела повидать на этой брэнной земле всё и поэтому могу судить, какие вещи не от мира сего. Конечно, это не так. Но она произвела на меня ошеломительное впечатление: одинокая, посреди непонятно какой дороги и неизвестно какой ночи, когда у меня от холода шёл пар изо рта, либо, наоборот, в воздухе стоял запах остывающего после дневной жары асфальта и дикого винограда. Именно это слово первым пришло мне в голову – *неземная*.

Она прищурилась, словно её слепил исходящий от моей машины свет фар. Предполагаю, так оно и было, учитывая, что до этого её окружала полная темнота. Возможно, её зрачки резко сузились, а потом заболели от слепящего света. Она могла прищуриться и, возможно, прикрыть рукой глаза. Позднее я узнала, что у неё голубые глаза, того оттенка, который Розмари-Энн называла бутылочно-голубым. За исключением той детали, что если речь идёт о ноябре, то я увидела, что глаза у неё какого-то странного коричневого оттенка, каревого, который кажется золотистым. Тем не менее она сощурила глаза, вспыхнувшие радужными бликами, а затем моргнула, не сводя с меня взгляда. Думаю, слово «дикая» в данном случае звучит более уместно и гораздо менее самонадеянно, чем «неземная». Она улыбается – очень слабо, настолько неуловимо, что, возможно, мне это почудилось. Потом делает шаг ко мне навстречу, и я в третий раз спрашиваю, всё ли с ней в порядке.

– Вы, должно быть, замёрзли до смерти. Так и пневмонию легко подхватить.

Или:

– Комары, наверное, вас совсем закусали.

Она делает ещё один шаг и останавливается. Если до этого она и улыбалась, то теперь уже точно нет.

– Ты не можешь вести рассказ в двух временных плоскостях одновременно, Имп. Либо ты выбираешь один, либо другой, но не все сразу. – Голос у неё ничем не примечательный. Не такой удивительный, как её необыкновенные глаза. Обычный голос, как у любой другой женщины. – Со мной всё было совсем не так.

– Но именно так я это запомнила, – протестую я. – Так оно и произошло, в двух вариантах одновременно.

– Ты часто не доверяешь собственным воспоминаниям. Та поездка в Нью-Брансуик, например. Или тот случай, когда ты нашла купюру в семьдесят пять долларов на Тэйер-стрит.

– Купюр в семьдесят пять долларов не существует.

– Так и есть. Тем не менее ты же помнишь, что находила её, верно?

– Если ты хотела, чтобы я запомнила всё в одном-единственном варианте, то не должна была позволять этому случиться дважды.

– А тебе не приходило в голову, что ты должна сделать выбор? Либо одно, либо другое – третьего не дано. Если будешь вести себя подобным образом, то создашь парадокс.

– Это похоже на корпускулярно-волновой дуализм, – отвечаю я, подумав про себя: «Шах и мат». – Материя проявляет свойства волн и частиц, в зависимости от того, каким образом её исследовать. Это ЭПР-парадокс²⁴. У меня есть книга по квантовой физике, как выяснилось, я разбираюсь в ней гораздо лучше, чем предполагала, когда покупала её во время дворовой распродажи на Чапин-авеню.

Нахмурившись, Ева Кэннинг произносит:

– Имп, ты заставляешь меня озвучивать твои собственные мысли. Ты разговариваешь сама с собой. Здесь и сейчас только ты одна, меня тут нет.

Верно.

Кроме того, никакой книги на дворовой распродаже я не покупала. Просто стояла тогда, уйдя в чтение с головой, пока старуха, продававшая всякое барахло, не спросила меня, собираюсь ли я её покупать. Я смутилась, промямлив, что нет, мол, я просто смотрю, и положила книжку обратно. Мне пришлось тогда сильно постараться, чтобы выдавить из себя улыбку. Тем не менее я точно помню, что я встречалась с Евой Кэннинг дважды, один раз в июле и ещё раз в ноябре, и что оба раза мы встречались *впервые*. Я буду вести себя так, словно это не ложные воспоминания, хотя, несомненно, это создаст определённые сложности для рассказывания моей истории с привидениями. Таким образом, создаётся определённый парадокс, и вот так, навскидку, я пока не понимаю, как его разрешить, сведя противоречивые воспоминания в единое целое. Получается, что Ева не могла приехать ко мне с ночёвкой в июле и в ноябре – по крайней мере, не в первый раз, – так ведь? Потому что я помню, что Абалин съезжала от меня лишь раз, произошло это определённо в августе и совершенно точно из-за Евы. У меня есть несколько вещественных доказательств, подтверждающих это.

Чаша весов склоняется в пользу июля, Шоссе 122 и русалок. Соответственно, прочь от Альбера Перро к Филиппу Джорджу Салтоншталлю. Но... у меня такое тошнотворное ощущение, что в следующий раз, когда я сяду об этом писать, чаша весов каким-то образом ухитрится склониться в другую сторону, в пользу ноября, Коннектикута и волков. И фраза про «тошнотворное ощущение» – это не просто фигура речи. Осознание того, что это может произойти, вызывает у меня тошноту. Слабую, но меня определённо подташнивает.

Пойду поставлю чайник, налью себе чаю и, возможно, съем тост или пончик с черничным джемом. К тому же мне надо одеться, потому что через час я должна уже быть на работе. На душ времени нет, хотя он был бы нелишним, поскольку я сижу здесь за пишущей машинкой с тех самых пор, как очнулась ото сна, в котором видела Абалин и Еву. Надеюсь, если я хорошенько попишкаюсь дезодорантом и надену чистое нижнее бельё, никто не заметит, что мне нужно в душ.

Моя кухня – главная причина, по которой я сняла квартиру в восточной части Уиллоу-стрит. На рассвете её озаряют лучи восходящего солнца. Стены тут выкрашены в весёлый жёлтый цвет, по утрам светло, а осенью, зимой и поздней весной здесь кажется теплее, чем на самом деле, что делает её ещё уютнее. Кухня успокаивает меня после пробуждения. Проснувшись, я обычно ощущаю некоторую дезориентацию, а мои нервы так напряжены, что готовы завенеть; мне снятся сны столь же живописные и яркие, как солнечный свет, отражающийся

---

²⁴ *Парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена* (сокращённо ЭПР-парадокс) – указание на неполноту квантовой механики посредством мысленного эксперимента, заключающегося в измерении параметров микрообъекта косвенным образом, без прямого воздействия на этот объект.

в восемь часов утра от кухонных стен, но в этих сновидениях редко бывает что-то радостное. Раньше мне не снились кошмары – они начались после встречи с Евой. Бабушка Кэролайн всегда говорила, что кухня – самая важная комната в любом доме (или квартире), и её советы практически никогда меня не подводили.

На следующее утро после той ночи, когда Абалин переехала ко мне, мы вместе сели за кухонный стол. Я, как обычно, пила чай, завтракая бананом и пончиком, а она ела вафли «Найлла» с арахисовым маслом. Чай в моём стакане был бледным от молока, а она от него отказалась. Одетая она была в чёрную футболку и такие же чёрные боксеры. Я накинула на себя клетчатую ночную рубашку, в бело-голубую клетку. Дождь прекратился, и выглянуло солнце, из-за чего жёлтые стены моей кухни приобрели особенно яркий оттенок. Я вижу всё так подробно и отчётливо, что даже странно, поскольку многие другие (гораздо более важные) детали теряются в тумане или вообще стёрлись из памяти.

В моей памяти Кэролайн и Розмари как будто никогда не умирали. Память пытается подменять реальные воспоминания, чтобы уберечь меня от опасностей. Она отбирает, фильтрует, сохраняет, сортирует и вычищает. Частенько мне кажется, что она готова меня задушить в своих заботливых объятиях. Не намеренно, конечно.

– У тебя всегда выходные по субботам? – спросила Абалин, размазывая ложкой толстый шарик арахисового масла по печению.

– Зачастую, – ответила я, потягивая чай. – Но я хотела бы работать больше, чем сейчас. Я не против поработать в выходные. А у тебя есть работа?

– Я же говорила тебе. Я пишу обзоры видеоигр.

– Я имею в виду, другая работа, помимо этой.

Мгновение-другое она жевала, сверля меня взглядом.

– Нет, кроме этой, больше ничего нет.

– Там достаточно платят, чтобы тебе не нужна была другая работа?

– Не совсем, – прочавкала она, уминая вафли с арахисовым маслом. – Это одна из причин, по которой мы с Джоди расстались. Она постоянно уговаривала меня найти настоящую работу. – На словах «настоящая работа» Абалин саркастично согнула указательный и средний пальцы. – Тебе достаточно платят в твоём магазине для творчества, чтобы оплачивать аренду этой квартиры?

– В основном, – повторила я. – К тому же у меня есть кое-какие накопления, деньги, которые оставила мне бабушка. Это помогает сводить концы с концами.

– Значит, ты своего рода трастафарианец²⁵, – предположила она и рассмеялась.

– Нет, – запротестовала я и, кажется, прозвучала немного рассерженно. – У меня есть немного денег, которые бабушка Кэролайн оставила нам с мамой. Это трастовый фонд, но я работаю. Если бы я не устроилась на работу, то эти деньги давно бы уже закончились.

– Повезло тебе, – вздохнула Абалин.

– Никогда об этом не задумывалась.

– Возможно, стоит начать.

Какое-то время после этого никто из нас не проронил ни слова. Абалин была не первой, кто отпускал ехидные замечания по поводу моего наследства (моим попечителем выступает тётя Элейн). Иногда такое случается, и я объясняю, что от него осталось не так уж и много. Что через несколько лет оно совсем иссякнет, и кто знает, как я тогда буду справляться с арендной платой, с моими лекарствами и со всем остальным? Но в то утро я не стала вдаваться в эти детали во время разговора с Абалин. Мы обсудили это позже.

---

²⁵ Термин, обозначающий состоятельных белых людей старше 25 лет, живущих на средства семьи, обычно в виде накоплений в трастовых фондах.

– Извини, – сказала она наконец. – Я просто становлюсь немного колючей, когда дело касается денег, особенно сейчас.

– Ничего. Всё нормально.

Она рассказала мне о Джоди, о том, как часто они ссорились, и обычно из-за финансов. Джоди с девяти утра до пяти вечера работала в офисе и, по словам Абалин, очень возмущалась тем, что её подруга целыми днями торчит дома, играя в видеоигры. Абалин объяснила, что склока между ними могла начаться из-за того, что Джоди попадалась на глаза какая-то вещь, например в каталоге «Икеи», и она отпустила замечание, что у них могла бы быть мебель получше, если бы Абалин зарабатывала больше денег. Ещё она рассказала о том, как они впервые встретились на Мысе²⁶, в одном из баров Провинстауна.

– Я знаю. Это ужасное клише. Она уже была немного подшофе, но я купила ей ещё пива, и мы разговорились. Она даже не осознавала, что я транс, пока мы не свалили оттуда, чтобы добраться до моего гостиничного номера.

– Я ещё ни разу не упомянула о том, что Абалин – транссексуал, – напечатала Имп. – Она не захотела бы, чтобы я придавала этому большое значение. Вот почему я до сих пор об этом не вспоминала. Это не играет роли, – добавила Имп.

– Она разозлилась? Я имею в виду, когда узнала? – Я вспомнила ту сцену из «Жестокой игры»²⁷, когда Стивен Ри впервые видит Дила голым, а затем идёт в туалет, где содрогается от приступа рвоты. Я не стала рассказывать Абалин о том, что крутилось тогда у меня в голове.

– Да, было дело. Поэтому в итоге мы не дошли до моего номера. Но я дала ей свою визитку...

– У тебя есть визитки?

Абалин улыбнулась.

– Я держу их шутки ради. Но иногда они могут пригодиться. Так или иначе, она взяла мою визитку, там была электронная почта, «Фейсбук» и все такое, и примерно через неделю связалась со мной. Предложила снова встретиться.

– И ты согласилась? Даже после того, как она себя тогда повела?

– Знаешь, я могу быть очень снисходительной, особенно когда речь идёт о хороших женщинах.

После этого мы ещё немного поговорили о её транссексуальности. Немного, совсем чуть-чуть. Я не стала говорить ей, что сразу догадалась об этом, когда накануне она застала меня за рытьём в её скарбе. Мне показалось, что упомянуть об этом было бы грубостью. Абалин рассказала мне о поездке для операции в клинику в Бангкоке и о парне, с которым жила в то время. Она объяснила:

– Он оплатил почти все расходы, но сразу после этого мы расстались. Потом выяснилось, что он меня не любил. Я встречала много таких парней. Перед операцией у них постоянный стояк, но на самом деле они обычные геи с фетишем, поэтому послеоперационная история – это зачастую полная шняга.

– Ты любила его? – спросила я, хотя теперь, спустя столько времени, мне кажется, что это был нескромный вопрос.

Абалин съела ещё одно печенье с арахисовым маслом, слегка нахмурившись, словно ей трудно было определиться с ответом или подобрать правильные слова.

– Тогда мне так казалось. Но я смогла это преодолеть. Я была благодарна ему за то, что он для меня сделал, поэтому расстались мы по-дружески. Мы до сих пор общаемся, время от

---

²⁶ Имеется в виду мыс Кейп-Код (Cape Cod, *англ.*), полуостров в форме крюка в штате Массачусетс, популярный летний курорт.

²⁷ «Жестокая игра» («The Crying Game», *англ.*) – психологический триллер ирландского режиссёра Нила Джордана, 1992 г.

времени. Он звонит мне. Я звоню ему. Обмениваемся имейлами. Он хороший парень, но ему действительно не следует отвлекаться от нормальных мужских членов.

– Это важнее, чем может показаться на первый взгляд, – набрала на клавиатуре Имп. Рычаги заклинило, и ей пришлось остановиться, чтобы вытащить их, испачкав пальцы чернилами. – Двойственность. Изменчивость плоти. Переход. Необходимость скрывать своё истинное «я». Маски. Секреты. Русалки, оборотни, личность. Реакция, которая у нас возникает, когда мы сталкиваемся с истинным положением вещей, с чьим-то честным лицом, с фактами, которые противоречат нашим ожиданиям и предубеждениям. Признания. Метафоры. Трансформация. Действительно, это более чем уместное отступление. Это был не просто случайный разговор за завтраком. Не стоит упускать из вида важные вещи, какими бы обыденными они ни казались.

Хемингуэй утверждал, что надо писать даже о том, какая за окном погода.

Имп остановилась, разглядывая листок с текстом.

– Ты очень красивая женщина, – призналась я Абалин. И тут же быстро добавила, потому что мне пришло в голову, что она может воспринять это как-то неправильно: – Не то чтобы красота имеет какое-то особенное значение. Я хочу сказать, что красота – это не главное, независимо от...

– Все нормально. Я понимаю, что ты имела в виду, – прервала меня Абалин, взмахнув рукой.

– Правда?

– Ну, наверное. Примерно понимаю.

– Ты когда-нибудь сожалела об этом? – поинтересовалась я, зная, что не должна этого делать, но слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела остановиться.

Абалин громко вздохнула и отвернулась, уставившись в окно.

– Всего раз или два, – сказала она едва слышно, почти шёпотом. – Нечасто и недолго. Сомневаюсь, что я вообще когда-либо принимала решения, о которых потом бы не жалела, но это был правильный поступок. Единственное, что можно было сделать.

Я не хочу больше писать об этом. По крайней мере, не сейчас. Возможно, мне придётся вернуться к этой теме позже, хотя я предпочла бы этого не делать. Мне не по душе думать об Абалин подобным образом. Не нравится вспоминать, какой застенчивой и неловкой она временами могла быть и какое у неё появлялось выражение лица, когда мы выбирались куда-то погулять, а какой-нибудь мудака отпускал в её адрес что-то оскорбительное. Мне не нравится вспоминать, как она реагировала. И до сих пор реагирует. Я уверена, что сейчас ничего не изменилось. Меня просто нет рядом, чтобы это увидеть, да и заикливаться на этом мне тоже не хочется. Это нормально. Когда ты скучаешь по людям, которых всё ещё любишь, то не хочешь видеть их страдающими, разозлёнными и униженными. Мне бы хотелось проявить милосердие и вообще убрать Абалин из моей истории с привидениями.

Но так же как Розмари, Кэролайн, Филипп Джордж Салтоншталль и Альбер Перро, она – неотъемлемая часть гобелена, и я не могу рассказать свою историю, не упомянув её. Потому что её история неразрывно связана с моей. Если Абалин когда-нибудь удосужится написать свою собственную историю с привидениями, мне тоже придётся стать её частью, и я уверена, что она это знает. Я бы не стала возражать.

Мы выпили чаю и позавтракали, а затем разговор зашёл о видеоиграх, и я упомянула, что у меня никогда не было компьютера. Когда на кухне стало слишком жарко (кондиционера там, увы, нет), мы перебрались в гостиную на диван. Абалин прочитала мне лекцию о многопользовательских онлайн-играх, плюсах и минусах различных консолей, сравнительных достоинствах айбиэмовских ПК и макбуков. Она терпеливо рассказывала мне о различных системных неполадках и гигабайтах информации, а также о том, как она сожалеет, что в восьмидесятых была слишком молода, чтобы застать золотой век аркадных видеоигр. Так пролетал

час за часом. В целом я смогла уловить смысл всего, о чём она тогда увлечённо рассказывала. И начала понимать, почему Абалин живёт так, как ей хочется, строча рецензии на видеоигры и избегая обычной работы в офисе. Она ощущала себя в безопасности наедине со своим монитором или экраном телевизора, без посторонних любопытных глаз, изучающих каждое её движение и делающих нежелательные, неверные выводы. Я никогда бы не покусилась на её тягу к уединению. Никогда.

А теперь вернёмся к Джорджу Салтоншталлю.

К «Утопленнице».

В моей истории с привидениями полно важных моментов, важность которых я осознала лишь спустя какое-то время. Возможно, так всегда и происходит. Не берусь утверждать, поскольку всю мою жизнь мне докучал один-единственный призрак. У меня есть всего одна отправная точка. Тем не менее я хотела бы подчеркнуть, что мой призрак, очевидно, не из простых. Не из тех, о которых вы обычно читаете в книгах или слушаете байки у костра. Я не ощущала дуновений внезапного и необъяснимого холода в тёмной комнате. Не просыпалась от звука лязгающих цепей или чых-то жутких стонов. Меня ни разу не шокировал вид женщины из эктоплазмы, плывущей куда-то по коридору. Это всего лишь карикатуры на призраков, придуманные людьми, которые никогда не страдали (или, наоборот, не испытали благодати) от общения со всамделишными, настоящими, реальными привидениями. В этом я абсолютно уверена.

Таким образом, та история, которую я приведу ниже, – это важное событие, и со временем его значение стало для меня более понятным. Но сначала это был лишь анекдот или просто интересная история, которую мне однажды рассказала бабушка.

*L'Inconnue de la Seine*²⁸.

Я не говорю по-французски. Нам год преподавали его в школе, но я не очень с ним ладила (как и со многими другими предметами), поэтому забыла почти всё, что мне удалось тогда выучить. Но это не мешало Кэролайн общаться со мной по-французски. В годы своей молодости она побывала в Париже и на острове Мон-Сен-Мишель²⁹, в Орлеане и Марселе. У неё сохранилась целая коллекция фотографий и открыток оттуда. Помимо этого, у неё была коробочка с сувенирами. Иногда она доставала их и показывала мне. И ещё она знала много историй о Франции. Она рассказала мне одну из них, когда мне было девять лет.

Я очень дорожу её историями о Франции, так как сильно сомневаюсь, что когда-нибудь смогу туда поехать сама. Отправиться в путешествие сейчас уже не столь легко и дёшево, как раньше, к тому же мне не нравится сама идея лететь куда-то на самолёте (я ещё ни разу не летала).

Однажды я оказалась в отряде девочек-скаутов, зарабатывая значок за оказание первой помощи. Как-то раз к нам приехала женщина из больницы в Провиденсе и научила нас СЛР³⁰ при помощи резинового манекена, которого она назвала Ресуски Энн³¹. Мы научились тому, как правильно делать компрессию грудной клетки, прижиматься ртом к губам манекена и вдыхать в них воздух. Как правильно вдыхать воздух в лёгкие тому, кто перестал дышать после сердечного приступа. В тот день Розмари была занята – не помню чем, – поэтому после занятий меня забрала бабушка Кэролайн.

---

²⁸ *L'Inconnue de la Seine* – («Незнакомка из Сены», фр.), неопознанная утопленница, найденная в Сене в конце XIX века.

²⁹ *Мон-Сен-Мишель* – остров-крепость в Нижней Нормандии, на севере Франции, на границе с Бретанью, расположен примерно в одном километре от северо-западного побережья страны, в устье реки Куэнон.

³⁰ СЛР – сердечно-легочная реанимация, направлена на восстановление жизнедеятельности человека и выведение его из состояния клинической смерти. (Прим. пер.)

³¹ *Ресуски Энн* (*Resusci Anne*, англ.) – она же «спасательная Энн», «маленькая Энн» и т.д., медицинский манекен для отработки оказания медицинской помощи; за основу её внешности взята посмертная маска «незнакомки из Сены».

Кэролайн водила огромный автомобиль, синий «Понтиак Стар-Чиф»³² 1956 года выпуска, мне очень нравилось ездить на его широком заднем сиденье. Этот крепыш был полной противоположностью моей дрянной маленькой «Хонды». Стрелка спидометра у него могла доходить до 120 миль в час. Он так плавно скользил по дороге, что практически не ощущалось ни ухабов, ни выбоин. Розмари продала его коллекционеру в Уэйкфилде сразу после того, как бабушка покончила жизнь самоубийством, и я частенько об этом жалела, поскольку хотела, чтобы он достался мне. Конечно, бензин сейчас очень дорогой, и пробег у этого «Стар-Чифа», скорее всего, огромный, поэтому я, вероятно, не могла бы позволить себе им пользоваться. Увы, мне не по карману ни поездка в Париж, ни безвозвратно сгинувший «Стар-Чиф» Кэролайн.

Мы вернулись к ней домой, и когда я, пытаюсь разобраться с домашним заданием по математике, рассказала ей о Ресуски Энн, она поведала мне о *l'Inconnue de la Seine*.

– У манекена было очень необычное лицо, правда? – спросила она, заставив меня на мгновение задуматься. – Не какая-то произвольно слепленная физиономия, как делали раньше, – добавила Кэролайн. – Не придуманное кем-то лицо, а такое, которое, возможно, принадлежало реально живущему человеку. – Подумав хорошенько, я поняла, что она была права, и сказала ей об этом.

– Что ж, это из-за того, что лицо у этого манекена не вымышленное, – пояснила она. А потом рассказала историю об утонувшей девушке, которую нашли в водах реки Сены в 80-х или 90-х годах XIX века. Тело обнаружили недалеко от набережной Лувра и доставили в парижский морг.

– Девушка была очень хорошенькой, – сказала Кэролайн. – Красавицей. Даже после всего времени, проведённого в реке, она все ещё была прекрасна. Один из служащих морга был настолько очарован ею, что даже сделал посмертную маску. Копии лица этой красивой девушки продавались сотня за сотней. Почти все жители Европы видели это лицо, хотя никто так и не узнал, кем она была при жизни. Она могла быть кем угодно. Возможно, эта девушка была цветочницей, или швейей, или просто нищенкой, но её личность до сих пор остаётся загадкой. Никто так и не объявился, чтобы забрать труп.

К этому времени я совершенно забыла о скучном домашнем задании и с восторженным видом слушала бабушку. Она рассказала, что видела копию маски, когда посещала Париж в 1930-х. О *l'Inconnue de la Seine* были написаны рассказы, стихи и даже один роман (который она перевела как «Незнакомка из Сены», хотя «Вавилонская рыбка»³³ утверждает, что это следует переводить как «неизвестный фактор Сены»). Также она сообщает, что «Незнакомка из Сены» по-французски будет *Le femme anonyme du Seine*. Может быть, это и правильно, но своей бабушке я доверяю больше, чем компьютерной программе. Она сказала мне, что один из рассказов был написан от лица мёртвой девушки, когда она ещё плыла по течению реки. По сюжету та не помнит, кем была при жизни. Она даже не может вспомнить своё имя. Она превратилась в некое новое существо, которое теперь должно всегда обитать на дне реки или в морской пучине. Но ей не хочется так жить, поэтому она всплывает на поверхность, где быстро растворяется в воздухе.

Бабушка Кэролайн не уточнила ни названия рассказа, ни его автора, а если это и сделала, то я всё забыла. Наткнулась я на него лишь много лет спустя. Оказывается, рассказ был написан поэтом по имени Жюль Сюпервьель, который родился в 1884 году и умер в 1960 году. Впервые он был опубликован в 1929 году и называется просто «*L'Inconnue de la Seine*». Я нашла его в библиотеке Брауновского университета, в сборнике работ Сюпервьеля под названием

---

³² *Pontiac Star Chief* – «Понтиак Звёздный Шеф», модель автомобиля, выпускавшаяся компанией «Понтиак» с 1954 по 1966 год.

³³ «Вавилонская рыбка» («Babel Fish», *англ.*) – сервис-переводчик, который компания Yahoo! предоставляла до 2012 года.

«L'Enfant de la haute mer»³⁴, и взяла книгу домой, хотя, как я уже упоминала, с французским у меня беда. Я переписала эту историю от руки. У меня до сих пор где-то сохранились эти записи. Впоследствии я отыскала другие стихи и рассказы об утонувшей девушке. Владимир Набоков написал о ней целую поэму, рассказывающую о созданиях, которых славяне называют *rusalki*. А Ман Рэй³⁵ сделал однажды фотографию этой посмертной маски.

Главное, что мне стало ясно о настоящих историях с привидениями, – это то, что мы редко осознаем, что они происходят непосредственно с нами, пока напрямую не сталкиваемся с преследующими нас призраками, вот только сама история при этом успевает закончиться. Это прекрасный пример того, что я имею в виду. Свой первый поцелуй я подарила манекену, *l'Inconnue de la Seine*, подобно той безмянной самоубийцы, родившейся больше чем за сто лет до того, как мне выпало появиться на свет. В тот день я нежно прижималась своими губами к её безжизненному рту, вновь и вновь, нежно вдыхая в него воздух. У меня тогда возникло странное покалывание в животе. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что это был один из моих первых сексуальных опытов, хотя прошло ещё несколько лет, прежде чем я поняла это. Мои губы коснулись этих силиконовых губ, и возникло... что? Трепет, я думаю. Приятная дрожь, которая пришла и исчезла так быстро, что я даже толком её не осознала.

Я сидела, разглядывая фотографию той посмертной маски. У меня есть книга об искусстве скульптуры с двумя её чёрно-белыми фотографиями. Она не выглядит мёртвой. Непохоже даже на то, что она спит. Улыбка получилась немного кривой (поэтому её иногда называют утонувшей Моной Лизой). Волосы девушки разделены посередине пробором. Можно ясно различить её ресницы.

Сейчас, спустя годы, это кажется мне идеальным кругом. Мандалой мгновений, несущих некий важный смысл, который становится понятен только теперь. Я говорю это сейчас, констатируя как некий факт, но, возможно, дальше, по ходу рассказа моей истории с привидениями, её смысл станет яснее. А может, и не станет, и все мои усилия пойдут прахом.

Два года спустя, в свой одиннадцатый день рождения, я увидела картину Филиппа Джорджа Салтоншталля «Утопленница», выставленную в ШДРА. Одиннадцать лет спустя июльской ночью я села за руль и наткнулась на Еву Кэннинг, ожидавшую меня на берегу реки Блэкстоун. На ужасающую, потерянную красавицу Еву. Мой личный призрак, оказавшийся русалкой. Хотя, возможно, она ею и не являлась. Она поцеловала меня, и её губы ничем не отличались от губ манекена СДР или *l'Inconnue de la Seine*. И я готова была влюбиться в неё, хотя в то время уже любила Абалин. Целовал ли служитель морга эти мёртвые губы, прежде чем сделать маску (или после этого)?

В моих мыслях эта история образует идеальный круг, элегантную и неизбежную цепь событий. Но теперь, видя её на бумаге, я чувствую себя сбитой с толку. Боюсь, вам вообще непонятно, что я имею в виду. Что я хочу вытащить из глубин своего разума и поместить куда-то ещё, подальше от себя. Я не могу подобрать правильные слова, потому что, возможно, и не существует никаких слов, с помощью которых можно вытащить призрака на свет божий, сковав его при помощи чернил и бумаги.

На своей картине Салтоншталь скрыл лицо «Утопленницы», изобразив её оглядывающейся в сторону леса. Но ведь картина была написана в 1898 году, верно? Так что... он вполне мог видеть «Незнакомку из Сены». Он был влюблён в свою двоюродную сестру, и если Мэри Фарнум – та самая девушка, с которой он написал образ своей героини, возможно, именно поэтому он спрятал её лицо. А может, и нет. Ева Кэннинг не была похожа на «*l'Inconnue de la Seine*», хотя я знаю, что у неё было как минимум две личины.

---

³⁴ *L'Enfant de la haute mer* – «Дитя открытого моря», на русском книга издана под названием «Дитя волн».

³⁵ *Ман Рэй* (Man Ray, 1890–1976) – франко-американский художник, фотограф и кинорежиссёр.

Нет, никогда мне не стать писателем. Только не настоящим писателем. Это так ужасно – пытаться обуздать мысли, которые отказываются послушно выстраиваться в предложения.

Аптека закрывается через полчаса, а я должна забрать очередную порцию своих лекарств.

Не повторяюсь ли я? Бум. Бам. Пабам.

Спрашивая об этом, я не имею в виду полезное повторение, подчёркивающее и делающее очевидными те способы, которыми все эти события и жизни разных людей неразрывно связаны друг с другом, чтобы рассказать историю с привидениями, через которую я прошла и теперь пытаюсь изложить на бумаге. Нет, меня интересует, не хожу ли я по кругу (Бум. Бам. Пабам.) и заодно – не занимаюсь ли я этим для того, чтобы не двигаться дальше, к осознанию ужасной и прискорбной истины? Не пытаюсь ли я специально спотыкаться, – будучи чокнутой, которая прекрасно понимает, что она чокнутая, но не хочет, чтобы ей об этом напоминали, – рассказывая одновременно две истории, которые обе правдивы, но при этом лишь одна из них подтверждается фактами? Мне кажется, что я занимаюсь именно этим. Что я разыгрываю старый анекдот, рассказанный однажды Розмари, о человеке в лодке с одним веслом, который бесконечно гребёт, выписывая круги, и поэтому никогда не достигнет берега. Но как мне поступить иначе, если моя история представляет собой спираль или даже множество спиралей внутри других спиралей? Является ли признаком паники то, что я считаю, будто мне нужно вести прямую, внятную сюжетную линию, повествование, которое имеет конкретную отправную точку и движется по понятному, ясному маршруту? Не слишком ли я занята самокопанием, натягивая свою неуверенность на голову, как натягивала одеяло, когда мне было пять лет, из-за страха темноты, того, что в ней может скрываться, и *волков*. Может, мне перестать наконец откладывать всё на потом и прямо рассказать об этих событиях?

Неужели я всего лишь сумасшедшая, которая переносит свои заблуждения и порождения расстроенной психики на бумагу?

Доктору Огилви не нравится слово «безумная», в равной степени как и определение «сумасшедшая». Вероятно, она одобряет изменения в названии больницы Батлера. Но я убеждаю её, что это правильные и честные эпитеты. К чёрту всякие политические или негативные коннотации, эти отражающие реальность определения, и они мне необходимы. Возможно, меня тревожит мысль о заключении в психушку, об антисептической стерильности больниц и о том, как пациенты лишаются там остатков человеческого достоинства, но эти слова меня точно не пугают. И я их ничуть не стыжусь. Но мне становится страшно от мысли, что я попала в петлю и не в состоянии говорить прямо – или настолько стараюсь этого избежать, что вгоняю себя в столь беспомощное состояние. Мне будет стыдно, если я не смогу набраться смелости, чтобы сказать правду.

– Прямых путей не существует, – напечатала Имп, – хотя мы изрядно теряем в правдивости, притворяясь, что это не так.

Довольно вопросов. Хватит ими терзаться. Я злюсь, когда испытываю чувство страха. Меня это так злит, что не описать словами. Я не смогу закончить свой рассказ, если меня раздражает сама необходимость попытаться это сделать, и единственное, что злит меня ещё больше, чем чувство страха, – мои неудачи. Итак, я должна это сделать, и я не позволю себе остановиться на полпути.

Мы с Абалин никогда не обсуждали её переезд ко мне. Это произошло как-то само собой. У меня было много свободного места, а ей нужно было где-то жить. Практически с самого начала нашего знакомства я хотела, чтобы она была рядом со мной. Либо мне тогда захотелось в неё влюбиться, либо этот момент стал началом зарождения нашей любви. Это не было похоже на романтическую влюблённость. Я вовсе не была девственницей. К тому времени я уже не раз была в отношениях, но ещё ни разу себя так не чувствовала. Это чувство не было таким...

каким? Требовательным? Но я хотела, чтобы она осталась у меня жить, она согласилась, и я этому обрадовалась. Я помню, как первые несколько ночей она спала на диване, среди всех своих дисков с видеоиграми, пока я наконец не убедила её, что это глупо, когда у меня такая большая кровать. Я хотела заполучить её к себе в постель. Мне хотелось, чтобы она спала рядом со мной, и я испытала огромное облегчение, когда она приняла это приглашение. В первый раз, когда мы занимались любовью, в первую ночь, когда она спала в моей постели, меня переполняло чувство огромного облегчения.

В первый четверг после нашей встречи я пораньше ушла с работы, и мы вместе отправились по Уиллоу-стрит в парк, на стадион Декстера, который, как я уже сказала, давно перестал использоваться как военный тренировочный стадион, хотя до сих пор так называется. Каждую неделю, по четвергам, с начала июня по октябрь там работает фермерский рынок. Даже если я ничего не покупаю, мне нравится прогуливаться по его рядам и любоваться дарами земли, сваленными в разноцветные, пышущие свежестью горы и разложенными в плетёных деревянных корзинах, либо в маленьких картонных коробках в ожидании, когда их кто-нибудь купит. В начале лета здесь можно найти сахарный горох, стручковую фасоль, огурцы, кучу сортов перца (острый, мягкий и сладкий; алый, жёлтый и зелёный), яблоки, клубнику, капусту, репу, хрустящий салат, пряный редис, благородные томаты и большие кувшины с сидром. В июне для хорошей кукурузы ещё не время, а черника ещё не успевает созреть. Но зато здесь продаётся хлеб из местных пекарен. Иногда тут торгуют из холодильников свежей колбасой и беконом, причём частенько те же самые люди, которые лично выращивали и убивали для этого свиней. Все это богатство выставлено на длинных складных столиках под каштанами.

В тот день я купила яблоки и помидоры, а затем мы с Абалин сели на скамейку под деревьями и съели по яблоку, наслаждаясь их безупречным терпко-сладким вкусом. Остальные яблоки я на следующий день использовала, чтобы сделать начинку для пирога.

– Хочешь услышать кое-что действительно жуткое? – спросила я, закончив с яблоком и выбросив огрызок на поживу белкам и птицам.

– Смотря что, – хмыкнула она. – Хочешь признаться, что ты убийца с топором, фурри или ещё что-то в этом роде?

Мне пришлось уточнить у неё, что такое фурри.

– Нет. Просто я увидела кое-что около года назад здесь, в парке.

– Тогда ок, – кивнула она. – Расскажи мне что-нибудь по-настоящему жуткое. – Она грызла своё яблоко гораздо медленнее меня (я вообще зачастую ем очень быстро), поэтому откусила ещё кусок.

– Однажды ночью я ехала домой с работы. Обычно я езжу на автобусе, ты ведь в курсе? Но в тот день я поехала на машине, потому что, ну, не знаю, мне просто захотелось сесть за руль. И в тот вечер, по пути домой, я проезжала мимо парка и увидела группу из четырёх человек. Они шли вдали от уличных фонарей, под деревьями, где было темнее всего, но всё же я разглядела их вполне отчётливо. Когда я впервые их заметила, то приняла за монахинь, что показалось мне довольно странным. Здесь днём с огнём не найдёшь на улицах монашек. Но затем я поняла, что это явно не монахини.

– Монашки такие жуткие, – пробормотала Абалин, кусая яблоко. – Они меня бесят.

– Я увидела, что на них не рясы, а длинные чёрные плащи с капюшонами, закрывающие головы. Внезапно я поняла, что не вполне уверена в том, что это женщины. С тем же успехом они могли быть и мужчинами, судя по тому, что я могла различить. А потом – да, я понимаю, как это звучит, – мне помнилось, что это вообще не люди.

– Тебе *помнилось*? Слушай, сейчас вообще никто так не говорит, что им что-то помнилось.

– Язык и так довольно несовершенное средство общения, – отрезала я. – Поэтому мы должны использовать все слова, которыми располагаем. – На самом деле это была не моя мысль, я просто перефразировала Спенсера Трейси из фильма «Пожнёшь бурю»³⁶.

Она пожала плечами и произнесла:

– То есть монашки, которые были на самом деле не монашками, возможно, даже не были людьми. Ок, продолжай. – И ещё раз укусила яблоко.

– Я не утверждаю, что они не были людьми. Но на какое-то мгновение они казались больше похожими на воронов, изо всех сил пытающихся походить на людей. Возможно, они слишком сильно старались, чувствуя себя из-за этого очень неловко, поэтому я смогла понять, что они в действительности вороны.

Абалин жевала яблоко, сверля меня взглядом. К тому времени она уже была в курсе, зачем я принимаю свои таблетки. Она видела рецептурные флаконы на моей тумбочке, да и я сама кое-что ей рассказала. Правда, не всё. Я ни словом не обмолвилась о Кэролайн и моей маме, но раскрыла достаточно, чтобы она всё поняла о сложном состоянии моего психического здоровья (подобные фразы доктор Огилви одобряет). Тем не менее в тот день она не сказала, что считает, будто я сошла с ума. Я ожидала от неё такого вердикта, но не дождалась. Она лишь продолжала грызть яблоко и смотреть на меня своими сине-зелёными глазами цвета пляжного стекла.

– Конечно, я понимаю, что это были не вороны, безусловно. Не знаю, почему мне так показалось. Я думаю, они могли быть викканами³⁷. Подозреваю, что в здешних местах обитает несколько ведьм. Возможно, они направлялись на какой-то ритуал или ведьмовской шабаш, а может, просто на ужин, или что там виккане делают, когда собираются вместе.

– Честно говоря, гораздо интереснее считать, что это были вороны, слишком усердно притворявшиеся людьми, – усмехнулась Абалин. – В этом предположении намного больше жути, чем в каких-то банальных викканах. Я встречала ведьм и могу смело утверждать, что, в отличие от монашек, ничего жуткого в них отродясь не было. Честно говоря, они, как правило, довольно скучные особы. – Она доела своё яблоко и бросила огрызок так, что он упал в траву рядом с моим.

– Кем бы они ни были, их вид вызвал у меня мурашки.

– Вызвал мурашки? – переспросила она, улыбаясь. – Знаешь, так сейчас тоже никто не говорит.

– Да, – хмыкнула я, легонько и слегка игриво хлопнув её по левому плечу. Она сделала вид, что ей больно, скорчив недовольную мину. Я продолжила: – Они вызвали у меня мурашки, поэтому, оказавшись дома, я заперла все двери на замок и спала той ночью при включённом свете. Впрочем, сон у меня был спокойный, без кошмаров. Я снова искала их следующей ночью и ещё через ночь, но больше ни разу не увидела.

– Ты училась на дому? – неожиданно спросила она, что вызвало у меня лёгкое раздражение, поскольку не имело никакого отношения к моему рассказу о той ночи в парке.

– Почему ты спрашиваешь?

– Если это так, тогда понятно, почему ты используешь такие старомодные слова, как «помнилось» или «мурашки».

– Нет, я училась в школе, – мрачно ответила я. – Я ходила в государственные школы здесь, в Провиденсе, и в Крэнстоне. В основном я их ненавидела и была не очень хорошей ученицей. У меня едва получилось доползти до выпускного класса, и это настоящее чудо, что я смогла его окончить.

---

³⁶ «Пожнёшь бурю» («Inherit the Wind», *англ.*) – американский фильм 1960 г. по одноимённой пьесе Джерома Лоуренса и Роберта Эдвина Ли. Существует также ещё несколько экранизаций.

³⁷ Викка (Wicca, *англ.*) – неоязыческая квазирелигия, стала популярна в 1954 году благодаря основателю Джеральду Гарднеру, английскому госслужащему в отставке, назвавшему её тогда «ведовство».

– Я ненавидела школу по ряду очевидных причин, но была довольно неплохой ученицей, – призналась Абалин. – Если бы не большая часть других учеников, мне могло бы там понравиться. Но я достойно там отбарабанила. Потом я успешно сдала академические экзамены и даже получила частичную стипендию в Массачусетском технологическом институте.

– Ты училась в Массачусетском технологическом институте?

– Нет. Я выбрала Университет Род-Айленда, в Кингстоне...

– Я знаю, где находится УРА.

– ...потому что стипендия в МТИ была лишь частичной, а оплатить оставшуюся часть мои родители не могли.

Она вновь пожала плечами. Раньше меня раздражало, что Абалин пожимает плечами по поводу и без повода. Как будто ей на всё плевать, либо она не уловила смысл сказанного, хотя я точно знала, что ей всё понятно. Она хотела поступить в Массачусетский технологический институт, чтобы изучать компьютерные технологии и искусственный интеллект, но вместо этого пошла в УРА и изучала биоинформатику. По её словам, это новая отрасль информационных технологий («айти», как она сказала), которая пытается визуально анализировать очень большие объёмы биологических данных – в качестве примера она привела ДНК-микрочипы и секвенирование. Я никогда не была сильна в биологии, но посмотрела, что это такое. Биоинформатика, я имею в виду.

На секунду я опустила взгляд, вперившись в свои ноги.

– В этой сфере, наверное, можно хорошо заработать, – сказала я наконец. – Но вместо этого ты пишешь обзоры видеоигр за весьма небольшие деньги.

– Я делаю то, что мне нравится, как и ты, например, рисуя свои картины. Я никогда настоящему не увлекалась биоинформатикой. Просто это было хоть какое-то занятие, благодаря которому я могла сказать своим предкам, что поступила в колледж. Для меня это много значило и ещё больше для моих родителей, поскольку ни один из них не имел высшего образования.

Кэтрин Хепбёрн однажды сказала что-то вроде: «Занимайся тем, что тебе интересно, и хотя бы один человек на Земле будет счастлив».

Тут подул тёплый бриз, пахнувший свежескошенными газонами и раскалённым асфальтом, поэтому я предложила вернуться домой. Абалин обратила внимание, что я разглядываю то самое место под каштанами и дубами, где мне довелось заметить не-монашек и не-воронов, наклонилась и мягко поцеловала меня в висок. Это несколько сбило меня с толку, потому что, с одной стороны, я почувствовала себя в безопасности, а с другой – вид этого укромного уголка между деревьями заставил меня содрогнуться.

– Ладно, Импи! – воскликнула она. – Теперь моя очередь.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, разглаживая рубашку от морщин. – Что значит, твоя очередь?

– Око за око. Ты рассказала мне жуткую историю, теперь моя очередь. Не сейчас, а чуть позже. Я расскажу тебе о том случае, когда я с несколькими моими друзьями накурилась и залезла в старый железнодорожный туннель под Колледж-Хилл.

– Ты не обязана это делать. Ты мне ничего не должна. Это была просто история, которую я ещё никогда и никому не рассказывала.

– Не важно, – отрезала она, и мы пошли обратно по Уиллоу-стрит к нашей квартире. Я чуть было не набрала «к моей квартире», но она очень быстро стала «нашей квартирой». Пока я готовила ужин в уютной кухне цвета свежего масла, она играла в какую-то шумную видеоигру со стрельбой и автомобильными авариями.

Если моё повествование и будет делиться на главы, то эта глава заканчивается прямо здесь. Я давненько уже не рисовала, к тому же на этой неделе у меня добавилось часов на

работе, поэтому придётся отложить на какое-то время мою историю с привидениями – а мысль о том, что я оставлю главу незаконченной, вызывает у меня ощущение дискомфорта.

3

Вернёмся ненадолго к Филиппу Джорджу Салтоншталлю и его «Утопающей девушке», а затем вновь обратимся к Еве Кэннинг и той невероятной ночи в июле. Я написала, что впервые увидела картину в день своего одиннадцатилетия, что является одновременно и правдой, и непреложным фактом. Я родилась в 1986-м, сейчас мне уже двадцать четыре года, а значит, случилось это в 1997 году. Таким образом, тем августом картине исполнилось девяносто девять лет. Получается, что сейчас ей уже сто двенадцать лет, а это значит, что летом, когда я впервые повстречала Еву Кэннинг, ей было сто десять. Странно, но числа меня всегда успокаивали, несмотря на то что с математикой я всю жизнь была на ножах. Я уже заполнила эти страницы множеством цифр (в основном, дат): 1914, 1898, № 316, 1874, 1900, 1907, 1894, 1886 и т. д. Возможно, есть какая-то тайна, которую я неосознанно зашифровала в этих цифрах, но даже если это и так, то я потеряла либо вообще никогда не обладала ключом, позволяющим её разгадать.

Доктор Огилви подозревает, что моя страсть к цифрам может быть проявлением *арифмомании*. Справедливости ради нужно упомянуть, что в подростковом возрасте и в самом начале третьего десятка, когда моё безумие проявлялось в виде массы симптомов, связанных с обсессивно-компульсивным расстройством³⁸, я была одержима разными ритуалами ведения счёта. Я дня не могла прожить, чтобы не посчитать, какое количество шагов я сделала или сколько раз пережёвывала и глотала пищу. Частенько перед выходом из дома для меня оказывалось крайне важным определённое количество раз одеться и раздеться (обычно – хотя и не всегда – тридцать раз). Чтобы принять душ, мне приходилось семнадцать раз включать и выключать воду, семнадцать раз входить и выходить из ванны или душевой кабины, семнадцать раз брать мыло и класть его обратно. И так далее. Я изо всех сил старалась держать все эти ритуалы в секрете, испытывая из-за них чувство глубокого стыда. Не могу сказать, почему мне было так стыдно, но я жила в постоянном страхе, что тётя Элейн или кто-то ещё об этом узнает. Если уж на то пошло, попроси меня тогда объяснить, почему я считаю свои ритуалы настолько важными, я с трудом нашла бы ответ. Разве что призналась бы, что убеждена: если им не следовать, произойдёт что-то по-настоящему ужасное.

Мне всегда казалось, что арифмомания – это просто (хотя нет, не «просто», а «всего лишь») нормальная человеческая склонность к одолевающим наш разум суевериям. Феномен, который может показаться глупостью и анахронизмом, если выражается на социальном уровне, превращается в подлинное безумие в случае каждого конкретного человека. Например, японцы боятся числа «четыре». Или возьмём распространённое мнение, что 13 – число несчастливое, зловещее и опасное. Христиане, например, видят особое значение в числе «двенадцать», если вспомнить двенадцать апостолов. И так далее.

На мой одиннадцатый день рождения картине Салтоншталля исполнилось девяносто девять лет, и я не принималась за её серьёзное изучение, пока мне не стукнуло шестнадцать лет, то есть когда она состарилась до ста четырёх лет (не забываем: 11, 99, 16, 104). Я почти не вспоминала об «Утопленнице» с тех пор, как впервые её увидела. Едва-едва. И когда она вновь вошла в мою жизнь, это произошло, по-видимому, совершенно случайно. По крайней мере, так мне тогда казалось. Не уверена, что до сих пор так считаю. Прибытие Евы могло повлечь замену этой цепи совпадений на какую-то другую. Я начинаю различать звуки игры слаженного оркестра там, где раньше слышала лишь хаотичную какофонию. С чокнутыми всегда так, если только вы не верите в то, что мы обладаем способностью воспринимать ход и смысл вещей

³⁸ *Обсессивно-компульсивное расстройство* – заболевание, характеризующееся развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, фантазий, движений и действий.

каким-то особым образом, который недоступен разуму «нормальных» людей. Я ею не обладаю. Этой способностью, я имею в виду. У нас нет никакого особого дара. Мы вовсе не волшебники. Мы немного или, наоборот, глубоко надломлены. Конечно же, Ева этого не говорила.

Всю свою жизнь я любила посещать Атенеум на Бенефит-стрит. Розмари и Кэролайн водили меня туда чаще, чем в центральный филиал Публичной библиотеки Провиденса, что расположена в центре города (Эмпайр-стрит, 150). Атенеум, как и многое другое в Провиденсе, неподвластен времени, и защитники городских достопримечательностей смогли убедиться в этом, увидев, что он уцелел, в то время как большая часть города приобрела под неумолимым катком прогресса прилизанный современный вид. Сегодня облик Атенеума не сильно отличается от того, какой он имел, когда Эдгар Аллан По и Сара Хелен Уитман прогуливались вдоль его стеллажей. Построенное в духе греческого Возрождения, нынешнее здание библиотеки было завершено в 1838 году (за шестьдесят лет до того, как Салтоншталль написал «Утопленницу»), хотя Атенеум был создан ещё в 1753 году. Обратите внимание на повторяющуюся цифру 8: $1 + 7 = 8,5 + 3 = 8,8 + 8 = 16$, которое делится на 2, и мы вновь получаем 8 – таким образом, круг замыкается. Я даже не представляю, сколько часов провела, блуждая между этими высокими стеллажами по узким проходам или с головой погрузившись в чтение той или иной книги в читальном зале на самом нижнем этаже. Библиотека, помещённая в защитную оболочку из светлого камня, кажется мне столь же уникальной и хрупкой, как столетний старец. Её запах – затхлая смесь пожелтевших страниц, пыли и древнего дерева. Для меня эти запахи означают комфорт и безопасность. Это аромат таинства.

В дождливый день восьмого месяца 2002 года, если точнее, двадцать восьмого августа, я достала в Атенеуме с полки книгу, изданную в 1958 году, которую написала историк искусства Долорес Эвелин Смитфилд, – «Краткая история художников и иллюстраторов Новой Англии» (1958 года издания + ФИО автора из восьми слогов + мне тогда было $16 = 2 \times 8$). Почему-то я никогда раньше не замечала эту книгу. Я отнесла её обратно к одному из длинных столов и принялась небрежно пролистывать страницы, когда наткнулась на восемь абзацев, посвящённых Салтоншталлю, с чёрно-белой репродукцией «Утопленницы». Я сидела и очень долго её разглядывала, прислушиваясь к мерному стуку дождя по крыше и окнам, к далёкому грохоту грома и звукам шагов над головой. Моё внимание привлекло то, что репродукция картины помещена на 88-й странице. Раньше я всегда таскала с собой блокноты со сменными блоками, а также набор ручек и карандашей в розовой пластиковой коробке, поэтому в тот день записала всё, что Смитфилд написала об «Утопленнице». Впрочем, не так уж и много внимания она ему уделила. Вот самая интересная часть:

Хотя его лучше всего помнят (если вообще ещё помнят) как автора пейзажей, одна из самых известных работ Салтоншталля – «Утопленница» (1898 г.), которая, возможно, была вдохновлена одной фольклорной историей, бытующей на северо-западе Род-Айленда и на юге Массачусетса, вдоль короткого участка реки Блэкстоун. Популярная местная легенда рассказывает о смерти дочери владельца мельницы от руки ревнивого жениха, попытавшегося затем избавиться от её тела, обвязав труп камнями и сбросив его в узкий гранитный канал старого шлюза Милвилль. Согласно некоторым версиям, убийца сбросил труп девушки с моста Триада-Бридж, где река особенно глубокая и широкая. Предание гласит, что призрак девушки блуждает по реке от Милвилля до Аксбриджа и, возможно, даже забредает на юг до самого Вунсокета, что в штате Род-Айленд. Говорят, люди слышали, как она поёт на берегу и в близлежащих лесах, а кое-кто даже утверждает, что на её счёт есть несколько утопленников.

Мы можем быть полностью уверены, что художник был хорошо осведомлён об этой легенде, поскольку в письме к Мэри Фарнум он замечает: «Возможно, я сам увижу её как-нибудь вечером, когда буду сидеть на берегу и делать наброски. К сожалению, я пока не встречал ничего более захватывающего, чем олень и чёрный полоз». Вряд ли это можно назвать

неопровержимым доказательством того, что он назвал свою картину в честь страшной сказки, однако это кажется достаточно примечательным фактом, чтобы не отмахиваться от него как от простого совпадения. Возможно, Салтониталль хотел запечатлеть неосторожную купальщицу за несколько мгновений до роковой встречи с призраком утопленницы? Этот вывод выглядит достаточно разумным, позволяя разгадать загадку, связанную с этим автором.

В тот же день... Ладно, той же ночью мне удалось (к моему огромному удивлению!) отыскать конверт, на котором много лет назад делала заметки Розмари-Энн, в мой одиннадцатый день рождения, рядом с картиной, которая показалась мне тогда неким причудливым окном. На следующий день я вернулась в Атенеум и долго рылась в книгах, посвящённых фольклору Массачусетса и Род-Айленда, надеясь найти что-нибудь ещё об истории загадочной утопленницы. Первые несколько часов мне фатально не везло, и я уже чуть было не решила сдаться, когда вдруг наткнулась на описание легенды в «Сокровищнице фольклора Новой Англии» Бенджамина А. Боткина («Бонанза Букс», Нью-Йорк, 1965 г.). Вот отрывок оттуда, и ещё один, который я нашла позже в другой книге:

Говорят, что ещё более злобный дух обитает в реке Блэкстоун возле городка Милвилль. Спросите почти любого в этом районе, и вам поведают трагическую историю молодой женщины, носившей доброе пуританское имя Першиэйбл³⁹ Шиппен. Убитая собственным отцом и сброшенная в реку, она не может найти успокоения; и теперь беспокойный, мстительный призрак Першиэйбл, как поговаривают, блуждает по руслу реки, часто хватая неосторожных купальщиков за ноги и утаскивая их в глубину мутных зелёных вод. Отдельные жители утверждают, что иногда можно услышать, как её призрак поёт летними вечерами, и что её голос прекрасен, но, как известно, способен соблазнить меланхоличные души совершить самоубийство, прыгнув с железнодорожного или шоссеного моста, либо бросившись в реку с высоких утесов выше по течению от Милвилля. История, по-видимому, восходит к 1830-м годам, «протоиндустриальному» времени расцвета, когда в Милвилле располагалось множество лесопилок, ткацких фабрик, производились сельскохозяйственные косы, выращивались зерно и кукуруза. По сей день мальчишки-подростки, желающие напугать своих подружек, частенько наведываются на старые железнодорожные эстакады над рекой в ночь полнолуния в надежде увидеть «Сирену Милвилля».

А вот что ещё мне удалось раскопать:

Среди некоторых жителей городков, расположенных вдоль реки Блэкстоун, бытует легенда, что много лет назад из моря приплыло некое существо и застряло в реке. Обычно его появление связывают с ураганом и/или наводнением, хотя детали часто сильно различаются от одного рассказчика к другому. Кажется, что немногие из рассказчиков могут прийти к согласию относительно того, что за напасть послужила причиной происшествия и как давно оно произошло. В разных версиях этой истории упоминаются Великий ураган 1938 года, шторм Саксби 1869 года, ураган в Норфолке и Лонг-Айленде 1821 года, а также наводнения в феврале 1886 года и в 1955 году. Но большинство рассказчиков следовало более привычным сказочным традициям, соглашаясь лишь с тем, что произошла эта история много десятилетий назад, или когда они были молоды, или вообще до их рождения, или в годы молодости их бабушек и дедушек.

---

³⁹ Першиэйбл (Perishable, англ.) – брeнная, смертная.

Относительно того, что заплывло в реку и остаётся там по сей день, то рассказы об этом можно разделить на вполне прозаические и, наоборот, фантастические. К первой категории относятся истории с участием одной или нескольких акул, морской черепахи, тюленя, гигантского кальмара, огромного угря и дельфина. Фантастические объяснения предлагают русалку, призрак женицины (обычно самоубийцы), утонувшей в заливе Наррагансетт, морского змея и – в одной из версий – заблудившегося селки⁴⁰, чью шкуру украли моряки с китобойного судна. Тем не менее по двум пунктам существует полное согласие: этому созданию (или нескольким) причинили вред, с ним произошло какое-то несчастье, возможно даже, что оно умерло, и что явилось оно из моря. Человек, настаивавший на том, что закинутое ураганом в реку существо было гигантским морским угрем, утверждал, что того выловили и убили, ещё когда он был маленькой личинкой. Он постоянно путал слова «морской» и «колдовской».

(Из книги «Странный Массачусетс» Уильяма Линблада, изд. «Грей Галл Пресс», Вустер, 1986 г.).

Как и в случае с моим досье о Красной Шапочке, у меня есть толстая папка с материалами о призраке реки Блэкстоун, в которой есть практически всё, что я смогла разузнать за последние восемь лет. До и после моей встречи с Евой Кэннинг – после двух встреч, если, конечно, их было действительно две. Папка с файлами изначально называлась «Перишэйбл Шиппен», хотя Боткин – единственный, кто приводит версию легенды, где упоминается имя убитой девушки. Я никогда не показывала эту папку Абалин, хотя теперь считаю, что лучше было это сделать. Ещё одна ошибка, которую я совершила, сохранив эту историю в тайне (хотя, конечно, Абалин считала, что раскрыла свою собственную «историю» Евы). Я могла бы составить длинный список подобных ошибок, которые отдалили нас друг от друга. Однажды я скажу: «Если бы я сделала то или это, возможно, мы всё ещё были бы вместе». Это другая, гораздо более коварная разновидность сказок. Очередная грань моего наваждения – то, что я заставила её покинуть меня, – ещё одна составляющая вредоносного мема.

Я вернусь к своей папке и её содержимому после того, как заставлю себя изложить собственную версию подоплёки произошедших событий.

«Женицина в поле – что-то её схватило».

Это строка из книги Чарльза Форта «Ло!», 1931 года издания, которая не выходила у меня из головы уже несколько дней. Она была использована в одной из картин Альбера Перро. Я решила процитировать её здесь, чтобы не забыть. И ещё раз напомню: то, о чём я рассказываю, случилось не во время нашей первой встречи с Евой Кэннинг, а во второй раз. Но теперь-то я этого точно не забуду.

Это произошло в июле, два года и три месяца назад, плюс-минус несколько дней. Ночной порой я ехала в одиночестве по шоссе в Массачусетсе мимо реки Блэкстоун. Той самой ночью я укатила из Провиденса одна, а вернулась обратно уже в сопровождении попутчицы. Думаю, возможно, теперь я готова попробовать изложить в некоем подобии связной *истории* то, что запомнилось мне о первой версии моей встречи с Евой. Любая история вынужденно является в некотором роде вымыслом, ведь так? Если предполагается, что это рассказ, основанный на реальных фактах, тогда он становится *синоптической*⁴¹ историей. Я где-то вычитала эту фразу, но не могу, хоть убей, вспомнить, когда и где. Имеется в виду, что «настоящая» история, или то, что мы так называем, может иметь слабое отношение к фактической реальности, поскольку она слишком сложна, чтобы её можно было свести к чему-то столь же жёстко очерченному, как

⁴⁰ Селки (Selkie, англ.) – они же «шелки», в фольклоре Великобритании волшебные морские существа, плавают в облике тюленей и сбрасывают шкуру, выходя на сушу.

⁴¹ Синоптический – дающий обзор всех частей сложного целого. (Прим. пер.)

обычное художественное повествование. Это может быть моя история, города, нации, нашей планеты или целой вселенной. Мы можем передать её лишь приблизительно. Что же, именно этим я теперь и займусь. Попытаюсь приблизительно передать картину той ночи 8 июля так откровенно, насколько смогу.

В то же время я всегда буду помнить, что история – рабыня редуccionизма.

Рассказывая эту историю, я упрощаю её. Делаю её более прямолинейной. Превращаю её в *синодическую*⁴² историю.

Итак, я перехожу к событиям той ночи. Той самой ночи.

Начнём отсюда.

В тот день я работала до десяти часов вечера, поэтому поехала на «Хонде», поскольку не люблю идти домой с автобусной остановки после наступления темноты. Район Оружейной палаты стал гораздо спокойнее, чем раньше, но лучше перестраховаться, чем потом сожалеть о своей неосмотрительности. Я приехала к себе домой на Уиллоу-стрит, обнаружив, что Абалин сидит на диване со своим ноутбуком и что-то печатает. Пройдя на кухню, я налила себе стакан молока и сделала бутерброд с арахисовым маслом – мне вполне достаточно этого для ужина. Я редко много съедаю за один раз. Наверное, мне привычнее небольшие перекусы. Затем я приношу молоко и блюдце с бутербродом в гостиную, присаживаясь на диван рядом с Абалин.

– Такая чудесная ночь, – говорю я. – Нам стоит куда-нибудь прокатиться. Это прекрасная ночь для поездки.

– Правда? – спрашивает Абалин, отрываясь на мгновение от экрана ноутбука. – Я сегодня не выходила на улицу.

– Зря ты так, – отвечаю я. – Тебе не следует торчать тут безвылазно целыми днями. – Я ещё раз откусываю от бутерброда и смотрю на неё, пережёвывая кусок. Проглотив его и отпив молока, я решаю узнать, что она сейчас пишет.

– Рецензия, – бросает она, но это было и так понятно, а мне бы хотелось услышать более развёрнутый ответ.

Какое-то время, возможно несколько минут, я доедаю свой липкий бутерброд, а она продолжает бить по клавишам. Я решаю больше не пытаться её вопросами о поездке, поскольку есть что-то умиротворяющее в спокойном ритме вечера, когда он плавно течёт в направлении ночи. Но затем я делаю ещё одну попытку, которая становится отправной точкой всех последующих событий.

– Нет, Имп, – говорит она, вновь переводя на меня взгляд. – Извини, но у меня горит дедлайн. Мне нужно добить это задание в ближайшую пару часов. Я должна была сдать его ещё вчера. – Она произносит название какой-то игры, и я припоминаю, что видела, как она в неё играла, просто это совершенно стёрлось из моей памяти. – Извини, – снова произносит она.

– Нет, всё в порядке. Без проблем. – Я стараюсь не показывать своего разочарования, но у меня всегда это плохо получалось. Почти всегда это заметно, поэтому, как мне кажется, той ночью она уловила обиженные нотки в моём голосе.

– Знаешь что? – предлагает она. – Почему бы тебе самой не прокатиться? Ты не обязана торчать дома только потому, что мне нужно работать. Может, без меня тебе будет даже лучше. Тишина, покой и все такое.

– Без тебя мне лучше не будет.

Я доедаю бутерброд, запив молоком, и ставлю блюдце с пустым стаканом на пол рядом с диваном.

– Я всё же настаиваю, что ты не должна отказываться из-за меня от поездки. Потом всю неделю обещают дожди.

---

⁴² *Синодический период* (греч. «синодос») – период между двумя последовательными соединениями. (Прим. пер.)

– Ты уверена? Я имею в виду, нормально ли это будет выглядеть, если я прокачусь без тебя.

– Абсолютно. Я, наверное, ещё даже спать не лягу к тому моменту, когда ты вернёшься, уж больно заковыристая получается рецензия.

Я уверяю её, что буду отсутствовать пару часов самое большее, на что она отвечает:

– Ну, тогда я точно ещё не буду спать, когда ты вернёшься.

Несмотря на её заверения, я чуть было не отказалась от этой идеи. Я ощутила укол тревоги и страха. Внутри меня зашевелились какие-то опасения. Это ощущение не сильно отличалось от того, что я испытывала, когда особенно сильно страдала от приступов арифмомагии или в ту ночь, когда заметила в парке монашек-воронов, или в бесчисленном множестве других случаев, когда моё безумие набирало обороты. Доктор Огилви неоднократно говорила, что в подобные моменты я всегда должна прилагать максимум усилий, чтобы идти вперёд, осуществляя то, что собиралась делать, когда меня вдруг настиг приступ страха. Я не должна, утверждала она, позволять иллюзиям, магическому мышлению и неврозам мешать мне жить нормальной, полноценной жизнью. Что подразумевает – не загреметь в сумасшедший дом.

Нормальность – это горькая пилюля, которую мы не хотим принимать.

Имп сама не уверена, что означает эта фраза. Просто эта мысль пришла ей в голову, и она решила записать её, чтобы не забыть.

Мне не нравится этот язык, сухой жаргон из области психиатрии и психологии. Такие слова, как «созависимость» и «нормальность», фразы вроде «магического мышления». Они беспокоят меня гораздо сильнее, чем «сумасшествие» и «безумие». Поэтому я скажу иначе: укол тревоги и страха.

Тем не менее я почти готова отказаться от своей идеи с поездкой. Вместо этого я склоняюсь к мысли посидеть с книгой, которую начала читать, или отправиться в свою студию, чтобы поработать над картиной, которую я всё никак не могу закончить.

– Думаю, тебе это пойдёт на пользу, – произносит Абалин, не отрывая взгляда от экрана и продолжая стучать пальцами по клавиатуре. – Я не хочу становиться для тебя обузой.

И это напоминает ещё об одном предупреждении доктора Огилви: если я когда-нибудь окажусь с кем-то в отношениях, нельзя позволять моей болезни превратиться в созависимость. Ни в коем случае не подвергать себя риску потери самодостаточности.

– Если ты уверена...

– Я совершенно уверена, Имп. Иди. Убирайся. Это приказ, – произносит она со смехом. – Если будет ещё не слишком поздно, когда ты вернёшься, посмотрим какое-нибудь кино.

– Мне завтра на работу, – ответила я. – Я не смогу сидеть допоздна.

– Иди уже, – снова произносит она, на мгновение перестав печатать, и машет мне левой рукой. – Я буду здесь, когда ты вернёшься домой.

Сдавшись, я беру ключи и летний кардиган на случай, если ночью будет холоднее, чем по дороге с работы домой. Я целую её и говорю, что скоро вернусь.

– Будь осторожнее, – предупреждает она. – Не гони слишком быстро. Иначе в одну из таких ночей получишь штраф. Или собьёшь оленя. – Я отвечаю, что всегда вожу машину осторожно. В моём голосе прозвучали извиняющиеся нотки, сильнее, чем мне хотелось бы, но Абалин, похоже, этого не заметила.

– Телефон не забыла? – спрашивает она.

Из дома я выхожу уже почти в полдвенадцатого ночи, но на работу завтра мне нужно поздно, к одиннадцати утра. Я вновь выезжаю на Уиллоу, сворачиваю на Парад-стрит, а затем прямо на Вестминстер. Меня не сильно заботит вопрос, куда ехать. В своих поездках я стараюсь этого избегать. Любые намётки или планирование, как мне кажется, лишают эти ночные путешествия смысла. Их терапевтическая ценность, по-видимому, заключается в спонтанности, в том, что маршрут и пункты назначения всегда выбираются случайно. Выбравшись с

Вестминстера, я пересекаю межштатную автомагистраль и еду через центр города со всеми его яркими огнями и тёмными улочками. Затем я поворачиваю налево, на север, на Северную главную улицу, проезжая старое Северное кладбище.

Радио я оставляю выключенным. Я всегда так делаю во время своих ночных поездок.

Итак, минуя Северное кладбище, я продолжаю движение через Потакет и Северный Мэйн, выехав на Шоссе 122. Движение здесь более интенсивное, чем мне хотелось бы, но тут всегда так. Далеко за полночь я добираюсь до Вунсокета с его полуразрушенными, брошенными мельницами и ревущей какофонией водопадов Тандермист, где воды реки Блэкстоун скользят по сливам плотины Вунсокет-Фоллс. На восточной стороне плотины есть автостоянка, на неё-то я и заезжаю. Выйдя из машины, я поднимаю голову вверх и замечаю, что вокруг луны виднеется кольцо, напоминающее мне о предупреждении Абалин насчёт приближающегося дождя. Но ждать его нужно завтра, а не этим чудесным вечером. Сегодня ночное небо чистое и усеянное звёздами. Я запираю двери «Хонды», прохожу через пустую парковку и встаю у перил; изо всех сил я пытаюсь сосредоточиться на яростном шуме воды, низвергающейся на зубчатый гранитный островок под плотинной.

– Интересно, – напечатала Имп, – а если бы существовал третий, такой же правдивый, вариант твоей встречи с Евой, где она произошла бы на этой самой плотине? Выглядит весьма поэтично, правда?

Нет. Большое спасибо, но всё и так уже слишком запуталось. Давай не будем усугублять ситуацию откровенной ложью, какой бы красивой она ни казалась.

Я стою там, желая только вслушиваться в дикий рёв потока, бьющегося о сточенные водой и временем девонские скалы. Но вместо этого в моей голове начинает роиться куча незначительных фактов об истории создания этой плотины, которые, будто непрошенные гости, вторгаются, расталкивая друг друга локтями, в моё сознание. В нынешнем виде её достроили в 1960 году, после страшного наводнения 1955 года. Но до этой плотины были и другие, поменьше, а в 1660 году – когда тут не было никакой плотины, лишь естественное русло водопада, – на этом месте стояла мельница. От этих мыслей настроение у меня портится, поэтому я отворачиваюсь от дамбы, водопада и грохота воды и возвращаюсь через стоянку к своей машине.

Я продолжаю двигаться на север, оставив позади Род-Айленд, и пересекаю Массачусетс. Затем я проезжаю реку, выехав на Бридж-стрит, к востоку от ржавой железнодорожной эстакады, с которой могло быть сброшено в воду бездыханное тело Перишэйбл Шиппен, если допустить, что эта история правдива. В Милвилле я снижаю скорость, вспоминая слова Абалин о возможном штрафе. Мне никогда ещё не выписывали штрафов за превышение скорости. И за неправильную парковку тоже. Милвилль невелик, и в моём понимании это скорее маленький городок или посёлок, а не большой город. Но там всё равно так много уличных фонарей с натриевыми дугами или парами ртути в лампах, что они затмевают звёзды. Кому нужен весь этот свет? Чего они здесь боятся? Нет никакого смысла в прогулках под ночным небом, если не видно звёзд. Но всё же Милвилль – маленький городишко, и вскоре я оказываюсь на его дальнем конце, направляясь на северо-запад по Шоссе 122. Ещё немного – и я снова могу различить на небе несколько мерцающих звёзд.

Имп – нервная, беспокойная, пугливая малышка Имп – пытается вмешаться:

– Ты уверена, что хочешь это сделать? Ещё не поздно остановиться, понимаешь? Ты можешь прямо сейчас остановиться, либо написать, что развернулась и поехала домой на Уиллоу-стрит. Либо, если ты так настаиваешь, сочинить, что отправилась в Аксбридж или куда-нибудь ещё, на твоё усмотрение, но ничего необычного ни в ту ночь, ни в любую другую не произошло. Ни в июле и, уж точно, ни в ноябре.

Но тогда я больше никогда не смогу использовать слово «сумасшедший» и буду вынуждена притворяться, что Розмари-Энн умерла от припадка, а не покончила жизнь самоубий-

ством. Остаток жизни я проведу в отрицании, пытаюсь избегать всего, что доставляет мне дискомфорт, из страха вызвать из небытия неудобные, тревожные и ужасные мысли. Я могла бы это сделать, верно? Я всегда могу утверждать, что всё произошло так, а не иначе (хотя на самом деле всё было совсем по-другому). Многие люди так поступают, и у них это, похоже, неплохо получается, так почему, чёрт возьми, я не могу?

Несколько нерешительно Имп вновь напечатала:

– Но мы-то прекрасно знаем почему, правда?

Назойливый стук клавиш по бумаге, закатанной в валик пишущей машинки, сигналил о смирении.

Но начало положено.

Мне ли не знать.

Стоп.

Вчера я честно попыталась взять эту преграду бравым наскоком. Мне хотелось изложить свою историю на бумаге и наконец-то покончить с ней – с той, первой, версией происшествия на ночной дороге. Я хотела последовать совету доктора Огилви и продолжать, несмотря на одолевающую меня тревогу. Но затем я принялась беседовать сама с собой, спорить, задавать вопросы, поносить собственную решимость и бросать эти наветы в холодные, безжалостные челюсти чёрно-белой пишущей машинки «Курьер». И, несмотря на все мои попытки сопротивления, на этом всё и закончилось. Мне пришлось отступить. Сегодня я обнаружила, что всё ещё не готова вернуться к событиям той ночи, произошедшим после того, как я покинула стоянку в Вунсовете и проехала через Милвилль. Но и не писать я тоже не могу, поэтому просто перейду временно к другой теме. Прошлой ночью перед сном я снова думала о том случае, когда мне на глаза попались монашки-вороны, и о том, как я поделилась этой историей с Абалин; также мне вспомнилось, как Кэролайн однажды рассказала мне о значении воронов и тех птиц, которые с ними тесно связаны.

Мне тогда было, наверное, шесть или семь лет. Точно не могу сказать. Розмари решила пройтись по магазинам, поэтому оставила меня с бабушкой (она часто так делала, поскольку я испытывала особенное отвращение к бакалейным магазинам и походам за покупками). Кэролайн занималась шитьём, а я наблюдала за её работой. У неё была старинная швейная машинка марки «Зингер», из тех, что работают, когда нажимаешь на педаль. Мне нравился её ритмичный шум. Звук бабушкиного шитья меня успокаивал, оказывая ни с чем не сравнимое умиротворяющее воздействие. Мы сидели в её спальне, поскольку именно там располагалась швейная машинка, и она строчила рубашку из ситца с набивным узором из ярких цветов.

То, что произошло потом, может показаться вам странным, поскольку вы не я, не Кэролайн и не Розмари. И если уж на то пошло, вы не кто-то (или что-то) вроде Евы Кэннинг. Я никогда не считала это странным, но прекрасно осознаю, насколько часто моё восприятие реальности расходится с мнением большинства других людей, с которыми мне довелось столкнуться на своём жизненном пути. Может быть, это покажется вам не столько странным, сколько причудливым или даже глупым. Я подразумеваю не некую чарующую причудливость, когда говорю «причудливым». Нет, имею в виду именно «странность».

Я сидела на кровати Кэролайн, от которой пахло свежим бельём, духами из чайной розы и неуловимым запахом мази «Бенгей», которой она пользовалась, когда у неё ныло больное плечо. Это были комфортные запахи, находившиеся в полной гармонии с монотонным чух-чух-чух старенького «Зингера». Я рассказывала Кэролайн о том, как неделю назад Розмари возила меня на пляж Скарборо. На дворе стояла осень, поэтому людей там было немного – ни туристов, ни дачников, – и мы пару часов бродили туда-сюда, наполнив пластиковое ведро ракушками и несколькими камнями необычной формы. Удобно расположившись на кровати, я описывала бабушке события того дня у залива и наконец подошла к главному:

– А потом Розмари посмотрела на воду и воскликнула: «О, детка, смотри! Видишь?» Она была ужасно взволнована и указывала на воду. Я изо всех сил старалась рассмотреть, что она там заметила, но это мне удалось не сразу.

«Ты ничего не видишь, потому что солнце отражается от поверхности моря», – сказала она, посоветовав мне прикрыть глаза рукой и попробовать ещё раз.

– Это сработало? – спросила Кэролайн, остановившись, чтобы разобраться со шпулькой машинки. – Ты разглядела, на что она тебе указывала?

– Да, – ответил я.

– И что же ты увидела?

Решив, что, если рассказывать эту историю с самым невинным видом, она поверит каждому моему слову, я продолжила:

– Я увидела, как среди волн скользит большой морской змей. Шкура у него была цвета ламинарии. Выглядел он гладким и гибким, будто какие-то морские водоросли. Я подумала, что если бы могла дотянуться и дотронуться до него, то на ощупь он тоже оказался бы как водоросль.

– Ты уверена, что это действительно был не комок водорослей? – спросила Кэролайн. – Иногда в бухте встречаются довольно большие скопления морских водорослей. Я сама их видела. На расстоянии они могут быть похожи на что угодно, кроме водорослей.

– О, абсолютно уверена! – воскликнула я. – У водорослей нет головы, как у змеи, красных глаз и языка, который высовывается, будто змеиное жало. Комок водорослей не поворачивается и не смотрит на тебя, разинув пасть и показывая, сколько у него зубов, чтобы ты знал – он съест тебя, если захочет, решив подплыть ближе, а ты не успеешь своевременно убраться с его пути. Водоросли ведь не бьют хвостом по воде как кит, не так ли?

– На моей памяти такого не случилось, – согласилась она, вновь нажимая на педаль «Зингера» и пропуская отрез яркого ситца под иглой. – Это не очень похоже на водоросли.

– Сколько бы футов в нем ни было, но размером он был, наверное, не меньше школьного автобуса. Мама испугалась, но я сказала ей, что он не причинит нам вреда. Я рассказала ей, что читала о морском змее, обитавшем в Глостерской гавани в 1817 году...

– Ты даже дату запомнила? – удивилась Кэролайн.

– Конечно, запомнила, а прерывать вообще-то невежливо. – Она извинилась, и я продолжила: – Я объяснила Розмари, что множество людей видело этого морского змея в 1917 году, и он ни на кого не напал.

– До этого ты говорила, что это был 1817 год, не так ли?

– Разве это так важно? В любом случае он ни на кого не напал, и я рассказала об этом маме. Мы стояли там, наблюдая за тем, как извивается в волнах морской змей, а он поглядывал на нас в ответ; мы даже разглядели, как он вытягивал свою длинную шею, пытаюсь поймать в воздухе чайку.

Стоило мне упомянуть о чайке, как к окну спальни слетела большая ворона и, обосновавшись там, уставилась на нас своими чёрными глазами-бусинками. Кэролайн перестала шить, а я оборвала свою историю о морском змее у берегов пляжа Скарборо. Ворона клюнула один раз оконную сетку, хрипло каркнула и вновь улетела. Бабушка какое-то время задумчиво смотрела в окно, а затем перевела взгляд на меня.

– Имп, теперь я точно знаю, что ты выдумала свою историю о морском змее.

– Как? – удивилась я, всё ещё глядя в окно, словно ожидала, что ворона вернётся с минуты на минуту.

– Это одна из способностей ворон, – пояснила она. – Оповещать, что кто-то врёт. Если ты слушаешь какую-то историю и поблизости появляется ворона, можно смело спорить, что рассказчик всё выдумал.

– Никогда раньше этого не слышала, – возразила я, уже решив к тому времени, что будет мудро больше не поднимать вопрос о моём сказочном морском змее.

– Имп, есть много вещей, о которых ты никогда раньше даже не слышала. Ты всего лишь ребёнок, и тебе нужно ещё многому научиться. В любом случае это не просто вороны. То же самое касается и воронов, а также грачей, сорок и почти всех видов семейства врановых, даже голубых соек и щелкунов. Они чертовски умные создания, и это их особенный дар – распознавать ложь, если они её слышат. И, учитывая их беспокойный нрав, у них есть раздражающая привычка появляться и напоминать, когда кто-то приукрашивает факты.

– Ты ведь это не выдумала?

Кэролайн кивнула в сторону окна.

– Ты же видела ворону? – спросила она.

– Что такое «врановые»? – мне было интересно, поскольку раньше я ни разу не слышала этого слова.

– Семейство врановых, к которому орнитологи относят воронов, ворон и всех их близких родственников.

– Ты это в книге прочитала?

– Да, конечно, – кивнула она и снова принялась за шитьё.

– Про дроздов там тоже было, что они появляются, когда люди что-то выдумывают?

– Строго говоря, Имп, дрозды не принадлежат к семейству врановых, хотя большинство врановых – чёрного цвета.

К этому времени, как мне кажется, я была уже совершенно сбита с толку. Кэролайн обладала раздражающей привычкой ходить вокруг да около, поэтому, возможно, я переняла от неё эту способность. Подобное хождение кругами почти всегда было чем-то обосновано, вот почему это так разочаровывало, особенно девочку шести-семи лет, которая ещё не научилась использовать в беседе трюки вроде фигур умолчания и разговорных мандал, которые трудно проверить и опровергнуть.

– Ты не ответила на мой вопрос, Кэролайн. Ты это в книгах вычитала, про врановых, которые появляются всякий раз, когда кто-то говорит неправду?

– Я не помню, Имп, но это не имеет никакого значения. Есть много реальных вещей, которые никто не удосужился записать в книгах. Жизнь полна такими событиями, которые происходили в действительности, но практически не отражены в книгах. Или в газетах. Где угодно на самом деле. Возможно, все эти истории о вбранах и ворбонах мне рассказывала мама. А может быть, я сама где-то об этом прочитала.

– Но я действительно читала о Глостерском морском змее, – призналась я, и мой голос прозвучал, вероятно, несколько застенчиво.

– Я сомневаюсь, что вороне не понравилось именно это, Индия Морган. – Бабушка Кэролайн редко называла меня по имени и отчеству, всякий раз привлекая этим моё внимание. Затем она добавила: – «Я сбежал в обличье вещего ворона». Это из книги. Автор этой строки – валлийский поэт по имени Талиесин. Тебе следует ознакомиться с ним, когда в следующий раз будешь в библиотеке.

А потом она довольно драматично продекламировала:

Кар, кар, кар, Боже,
Лукнуть Тебе чёрную плеть!
Я только что была вороной,
Но сейчас я приму образ женщины.
Кар, кар, кар, Боже!
Лукнуть Тебе чёрную плеть!

Рассмеявшись, она снова покрутила шпульку.

– Снова Талиесин? – спросила я.

– Нет. Я вычитала это в какой-то книге, заклинание, которое шотландские ведьмы использовали, когда хотели снова превратиться в женщин после того, как принимали обличье ворон.

Я спросила, что означает «лукнуть», потому что никогда раньше не слышала этого слова.

– Бросить, – ответила она. – Скручивать, поворачивать, искажать и так далее. Это старое шотландское слово, если я не ошибаюсь.

Я не вполне поняла, что это слово означает в контексте заклинания, но не стала ей об этом говорить. Я и так уже чувствовала себя довольно глупо из-за своего морского змея.

– О, – сказала она, – вот ещё кое-что, из Шекспира, из пьесы «Цимбелин».

– О ней я хотя бы слышала.

– Надеюсь, – нахмурилась она, а затем процитировала:

Торопитесь, торопитесь, драконы ночи! Не то рассвет
Заставит очи ворона ослепнуть!
Как страшно стало мне... Скорей назад!
Хоть ангел здесь, но в этих стенах ад⁴³.

– Ещё одни стихи?

– Нет, пьеса, – ответила она.

Ну так что, бабуля Кэролайн, в ту ночь, когда я ехала с работы домой и увидела четырёх монашек-воронов, бредущих куда-то под сенью деревьев, о чём я тогда умудрилась солгать? О чём они пытались напомнить мне тем вечером?

За день до той ночи, когда я повстречала Еву, не было ни воронов, ни ворон; не было даже голубых соек, если меня не подводит память. И на следующий день тоже. Я ни разу не замечала ворона или ворону ночью, не стоит об этом и упоминать. Совы были, и козодои встречались, но вряд ли в этом есть что-то из ряда вон выходящее.

Вчера, когда я колотила по клавишам печатной машинки, пытаюсь описать события той июльской ночи, ни одного ворона или вороны у моего окна так и не появилось. Если бы это произошло, я бы вздохнула с облегчением и, возможно, смогла бы закончить свой рассказ.

Сегодня у меня была встреча с доктором Огилви. Я скрыла от неё, что пытаюсь изложить эти события на бумаге, хотя мы уже несколько раз говорили о Еве Кэннинг, как об «июльской» Еве, так и о «ноябрьской», также как мы обсуждали Филиппа Джорджа Салтоншталя с его «Утопленницей» (картину и бытующие в народе истории) и «Русалочку». Говорили мы также об Альбере Перро, «Видении абсолютного разрушения» и «Красной Шапочке». Я ещё не уверена, расскажу ли ей о том, что пишу свою историю с привидениями. Она может попросить дать ей её почитать, и мне придётся ответить отказом. Также есть опасность, что она спросит, буквально ли я использую термин «история с привидениями» или метафорически, и мне придётся признаться, что да, буквально. А это может вызвать её беспокойство. Как мне кажется, я знаю её достаточно хорошо, чтобы понимать, что так всё и случится. Я имею в виду, что она обеспокоится. Хотя я и не люблю пугать людей, но уже, бесспорно, успела натворить дел.

Нет никакого смысла в прогулках под ночным небом, если не видно звёзд. Но всё же Милвилль – маленький городишко, и вскоре я оказываюсь на его дальнем конце, направляясь на северо-запад по Шоссе 122. Вскоре я различаю сквозь ветровое стекло несколько мер-

---

⁴³ Стихи даются в переводе П. А. Каншина.

цающих звёзд. Окно со стороны водителя опущено, и внутрь врывается свежий, напоённый ароматами растений воздух. В нём ощущается слабый мускусный, илистый запах реки, которая тянется в пятидесяти футах слева от меня (или на юго-западе, вдоль короткого участка дороги). Я часто задумывалась о том, что реки, озера и океан пахнут сексом. Что ж, значит, эта летняя ночь будоражит чувства приятным ароматом секса. Я только что проверила спидометр, убедившись, что еду на скорости сорок – сорок пять миль в час, – Абалин вряд ли посчитала бы это превышением. Хотя я не знаю, какой здесь скоростной режим; дорожные знаки тут, конечно, установлены, но я их не заметила. А если и заметила, то быстро об этом позабыла.

Я полностью освободилась от тяжёлых предчувствий и опасений, которые одолевали меня перед отъездом из Провиденса. Все осталось позади. Поездка оказывает на меня успокаивающее действие. Я радуюсь, что передумала оставаться дома.

Думаю, я смогу успеть доехать до Вустера, прежде чем повернуть назад. А потом... Стоп, я ведь это уже написала. Остановившись, я быстро пролистала страницы и быстро нашла, что искала:

Только что тут никого не было, а в следующее мгновение вдруг появляется она. Просто так, из ниоткуда. Нельзя сказать, что это я на неё наткнулась. Скорее это она неожиданно появилась.

Да. Именно так. Либо я моргнула в неподходящий момент, и мне *показалось*, что так всё и произошло. В какой момент? А разве это важно? Нет, вообще неважно.

Обнажённая женщина на разделительной полосе, уставившаяся в тёмные воды реки Блэкстоун, попала в ближний свет фар моей «Хонды». Позже Абалин спросит, почему я остановилась. И Ева однажды задаст тот же самый вопрос. И я отвечу: «А что мне ещё было делать? Что бы вы сделали на моём месте?» И добавлю: «Я не знаю, почему тогда остановилась».

Поскольку она не могла остановиться ради меня, я любезно остановилась ради смерти.

Я хоть и не «бью по тормозам», но довольно быстро притормаживаю. Не проехав и ста ярдов, я останавливаюсь. Не выходя из кабины, пока двигатель «Хонды» работает на холостом ходу, я вглядываюсь в зеркало заднего вида. Я задерживаюсь в машине самое большое на пару минут. Стоит мне заглушить мотор, как ночь сразу становится невообразимо, угнетающе тихой – всего на несколько ударов сердца, на пару-тройку вдохов, – а затем вновь со всех сторон раздаются трели насекомых, щёлканье и гортанное пение лягушек. Оставив фары включёнными, я вылезая из «Хонды». С правой стороны уходящей на север дорожной полосы вздымается высокая гранитная стена, словно каменная рана, высеченная в каменной породе с тех пор, как была проложена эта трасса. Когда-то лесистый склон холма плавно спускался к реке, но люди с их гелигнитом⁴⁴ быстро с ним разобрались, а все каменные осколки, почву и деревья увезли прочь, оставив лишь эту гранитную стену.

Я отвожу от неё взгляд и быстро оглядываюсь по сторонам, прежде чем перейти дорогу. Мои ботинки скрипят по гравию, когда я осторожно подхожу к женщине. Отсюда я не могу её разглядеть, конечно. Я слишком далеко отошла от машины, и свет задних фар сюда не достаёт. Не удивлюсь, если это могло мне привидеться. Я много чего навоображала себе за эти годы и думаю, что вполне могла увидеть галлюцинацию в виде обнажённой женщины. Либо, если отвлечься от моего безумия, это могла быть какая-то тревожная оптическая иллюзия, доступная взгляду любого водителя. Я давлю в себе желание перейти на бег, мои шаги размеренные и спокойные. Хотелось бы мне, чтобы в небесах сияла полная луна или хотя бы молодой месяц, потому что тогда было бы намного больше света. Но затем мои глаза постепенно приспособляются, и я наконец могу её разглядеть (её освещает слабый красноватый свет от задних фар, что немного мне помогает). Если она и заметила меня, то не подаёт виду.

⁴⁴ Гелигнит (он же «гремучий студень») – взрывчатое вещество класса динамитов.

– Вы в порядке? – кричу я. Она не отвечает и не подаёт виду, что услышала мой вопрос. Я останавливаюсь и обращаюсь к ней снова: – Вам нужна помощь? Что-то случилось? Вы попали в аварию? У вас сломалась машина? – Теперь, спустя столько времени, последние два вопроса кажутся мне абсурдными, но что поделать. Разве сама эта ситуация не выглядит абсурдной?

Моё зрение достаточно свыклось с темнотой, чтобы можно было разглядеть, что у неё мокрые волосы, и я перевожу взгляд на скрытую в темноте реку – её илистый запах ощущается теперь ещё сильнее, чем когда я проезжала мимо. Оглянувшись на женщину, я замечаю, что там, где она стоит, начинается грязная тропа, спускающаяся к воде. «Наверное, её проложили рыбаки, – подумала я. – Рыбаки и любители поплавать на каноэ и каяках».

– Вы купались? – спрашиваю я, и она наконец-то поворачивает голову в мою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.